

АНГУС ДИТОН

ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ

*Здоровье, богатство
и истоки неравенства*

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ ПО ЭКОНОМИКЕ 2015 ГОДА

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ

Angus Deaton

The Great Escape

Health, Wealth, and
the Origins of Inequality

PRINCETON UNIVERSITY PRESS • 2013

Ангус Дитон

Великий побег

Здоровье, богатство
и истоки неравенства

Перевод с английского
АНДРЕЯ ГУСЬКОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

МОСКВА • 2016

УДК 330.59

ББК 65.7

Д49

Книга выпущена при поддержке
Фонда «Либеральная Миссия»

Дитон, А.
Д49 Великий побег: Здоровье, богатство и истоки неравенства [Текст] /
Ангус Дитон; пер. с англ. А. Гуськова. — М.: Изд-во Института
Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. — 368 с.

ISBN 978-5-93255-437-1

Жизнь в мире стала лучше, а люди — здоровее и богаче. Тем не менее в побеге из нищеты участвовали не все, из-за чего в мире сохраняется глубокое неравенство между отдельными людьми и целыми странами. В «Великом побеге» Ангус Дитон, один из ведущих экспертов по экономическому развитию и бедности, рассказывает, как за прошедшие 250 лет некоторым странам удалось вырваться вперед. Дитон подробно рассматривает закономерности, определяющие богатство и состояние здоровья народов, и показывает, что нужно сделать, чтобы помочь тем, кто так до сих пор и не совершил Великого побега из нищеты и болезней.

Дитон описывает важнейшие инновации и серьезные препятствия: успех антибиотиков, борьба с сельскохозяйственными вредителями, с одной стороны, и ужасающий голод и эпидемия ВИЧ/СПИД — с другой. Он рассматривает Соединенные Штаты Америки — страну, некогда процветающую, которая сегодня имеет дело с низкими темпами роста и возрастающим неравенством. Он также описывает, как экономический рост в Китае и Индии улучшил жизнь более чем миллиарда людей. Дитон утверждает, что международная помощь часто оказывается неэффективной и даже вредной. Он предлагает альтернативные решения, включая пересмотр стимулов для фармацевтических компаний и снятие ограничений на торговлю, которые должны помочь развивающимся странам совершить свой собственный Великий побег.

© Издательство Института Гайдара, 2016

Copyright © 2013 by Princeton University Press

Все права сохранены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме с помощью каких-либо электронных или механических средств, включая изготовление фотокопий, запись, системы поиска и хранения информации, без письменного разрешения издателя.

ISBN 978-5-93255-437-1

Содержание

Предисловие к русскому изданию · 9

Предисловие · 11

Введение: О чем эта книга · 17

Фильм «Великий побег» · 17; Экономический рост и происхождение неравенства · 19; Не только доходы, но и здоровье · 23; Что такое прогресс? · 25; В чем значение неравенства? · 27; Дорожная карта · 28; Мера прогресса, мера неравенства · 32; Национальное счастье и национальный доход · 33

Глава 1. Благосостояние мира · 40

Здоровье и богатство · 41; Ожидаемая продолжительность жизни и доходы · 46; Вперед и выше с перерывами на катастрофы · 54; Бедность и неравенство в глобальном масштабе · 59; Как люди воспринимают свою жизнь? · 64; Эмоциональное благополучие · 69

ЧАСТЬ I. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

Глава 2. От доисторических времен до 1945 года · 77

Некоторые соображения по поводу жизни и смерти на примере США · 78; Жизнь и смерть. Предыстория · 91; Жизнь и смерть в эпоху Просвещения · 100; 1800–1945: питание, рост и санитария · 106

Глава 3. Побег от смерти в тропиках · 122

Глава 4. Здоровье и современный мир · 147

Пожилые люди тоже могут присоединиться к побегу: жизнь и смерть в богатом мире · 148; Здоровье в век глобализации · 173; Обменяться телами · 180

ЧАСТЬ II. ДЕНЬГИ

Глава 5. Материальное благосостояние в США · 193

Экономический рост в США · 195; Бедность в Соединенных Штатах · 205; Распределение доходов в Соединенных Штатах · 214;

Неравенство в действии · 216; Политика и неравенство · 223;
Заработок и семья · 228; Самые высокие доходы в Соеди-
ненных Штатах · 231; Что произошло, и почему это важно? · 235

Глава 6. Глобализация и Великий побег · 248

Как измерить мир · 250; Глобальный рост · 259; Развитие,
здоровье и демографический взрыв · 268; Глобальная бед-
ность · 276; Глобальное неравенство доходов · 286

часть III. помощь

Глава 7. Как помочь тем, кто остался на месте · 297

Материальная помощь и глобальная нищета · 298; Помощь
и факты · 305; Насколько эффективна помощь? · 313; Эффе-
ктивность проектов развития · 322; Помощь и политика · 327;
Помощь в сфере охраны здоровья · 342; Что делать? · 347

Послесловие.: Что будет дальше? · 362

*Памяти
Лесли Гарольда Дитона*

Предисловие к русскому изданию

КНИГА «Великий побег» рассказывает о том, почему современный мир лучше, чем он был когда-либо на протяжении всей истории человечества. За прошедшие 250 лет произошло беспрецедентное улучшение условий жизни, особенно в том, что касается здоровья людей и материальных ресурсов. В наши дни значительно снизилась младенческая смертность и можно рассчитывать на то, что выжившие дети, став взрослыми, уже не столкнутся с жестокой нищетой, которая на протяжении большей части истории преследовала значительную часть человечества. Жизнь человека стала чем-то большим, чем просто выживание.

Но побег удался не всем. Около миллиарда жителей нашей планеты, многие из которых живут в Индии и странах Африки, влчат жалкое существование в условиях абсолютной нищеты. Дети продолжают умирать от болезней, о которых давно перестали вспоминать в богатых странах, от загрязненной воды, от инфекций и отсутствия вакцин. Но даже в странах, которые находятся в самом конце очереди на побег, жизнь людей и состояние их здоровья постепенно улучшаются. Там реже умирают дети, по всему миру становится меньше нищих. Теперь, когда многие смотрят в будущее с пессимизмом — ведь все еще сохраняется немало серьезных угроз, связанных с неравенством, изменением климата, политическими катастрофами, — надо говорить о положительном опыте и помнить о том, на что способно человечество и чего оно уже достигло. Сегодня уровень наших знаний, особенно в сфере науки и техники, намного выше уровня знаний тех, кто жил 250 лет назад, и эти знания представляют собой важнейший источник нашего последующего совершенствования.

Конечно, побег редко проходил гладко, и продвижение не всегда было поступательным. Жителям России это известно намного лучше других. Открытия и достижения времен научной революции и эпохи Просвещения — ми-

кробная теория распространения инфекционных заболеваний, рост производительности в ходе промышленной революции — постепенно распространились из Северо-Западной Европы на восток. В XX веке мир стал свидетелем многих ужасных событий, в которых Россия пострадала больше остальных. Политические потрясения, две мировые войны, распад коммунистической системы — все это не могло остаться без последствий и привело к падению жизненного уровня и увеличению смертности населения страны. Как учит история, нам нельзя успокаиваться и ожидать, что жизнь будет улучшаться и впредь, но, одновременно с этим, колоссальный исторический прогресс вселяет в нас надежду на лучшее будущее.

Ангус Дитон
Июнь 2015 года

Предисловие

«ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ» — фильм о бежавших из лагеря для военнопленных во время Второй мировой войны. История великого побега, которому посвящена настоящая книга, это история избавления человечества от лишений и ранней смерти. Это рассказ о том, почему людям удалось сделать свою жизнь лучше и повести за собой других.

Одним из тех, кто сумел переменить свою жизнь, был мой отец, Лесли Гарольд Дитон. Он родился в 1918 году в суровых условиях шахтерского поселка Туркрофт в окрестностях угольного месторождения в Южном Йоркшире. Его бабушка Элис и дедушка Томас оставили сельский труд и в поисках лучшей доли устроились работать на недавно открывшуюся шахту. Их старший сын, мой дед Гарольд, во время Первой мировой войны был на фронте, потом вернулся в забой и постепенно поднялся до должности мастера. В период между двумя войнами в Туркрофте лишь немногим детям разрешалось ходить в школу, и поэтому моему отцу было сложно получить образование. Он перебивался случайными заработками в забое и, как и другие ребята, мечтал о том, что когда-нибудь ему повезет и он найдет работу на поверхности, а не под землей. Но из этого ничего не вышло. В 1939 году его призвали в армию и в составе злополучного Британского экспедиционного корпуса он был отправлен во Францию. После разгрома корпуса он попал в часть, расквартированную в Шотландии, где из него должны были сделать десантника. Там он встретил мою маму и тут ему «повезло»: он был комиссован из армии по инвалидности с диагнозом «туберкулез» и отправлен в санаторий. Я говорю повезло, потому что высадка десанта в Норвегии закончилась провалом, и он, таким образом, избежал почти верной смерти. После демобилизации в 1942 году они с моей мамой, Лили Вуд, дочерью плотника из Галашилса, города на юге Шотландии, поженились.

Не попав в школу в Йоркшире, Лесли поступает на вечерние курсы геодезистов и получает нужную в горном деле специальность. В 1942 году рабочих рук не хватает, и отец получает место рассыльного в строительной инженерной фирме в Эдинбурге. Он решает стать инженером-строителем и, начав почти с нуля, после десяти лет упорного труда получает квалификацию инженера. Учеба давалась ему с трудом, особенно математика и физика. Там, где были вечерние курсы, на которых он учился, открылся Эдинбургский университет имени Хэриота и Уатта, откуда мне недавно прислали экзаменационные листы отца: из них видно, что ему пришлось изрядно потрудиться. Отец работает инженером по водоснабжению в области Скоттиш-Бордерс, покупает коттедж, принадлежавший бабушке моей матери, который, как говорят, когда-то посещал сэр Вальтер Скотт. Переезд из пропитанного сажей и копотью Эдинбурга с его скверным климатом в поселок, окруженный лесами, холмами и изобилующими форелью ручьями, в котором летом 1955 года стояли казавшиеся бесконечными солнечные дни, был для отца, как я это вижу, своего рода великим побегом.

Следуя классикам, отец поставил перед собой задачу добиться, чтобы моя жизнь сложилась лучше, чем его. Не знаю как, но ему удалось уговорить моих учителей заниматься со мной дополнительно, чтобы я мог сдать вступительные экзамены в престижную частную закрытую школу в Эдинбурге. Меня приняли, и я был одним из двух учеников во всем классе, которому выдали бесплатный проездной билет. Годовая плата за обучение превышала зарплату моего отца. Окончив школу, я поступил в Кембридж на математический факультет и со временем стал профессором экономики, сначала в Великобритании, а затем в Принстоне. Моя сестра окончила университет в Шотландии и работала учительницей в школе. Из десятка моих двоюродных братьев и сестер только нам двоим удалось получить университетское образование, и, конечно, такой возможности не было ни у одного из наших родственников старшего поколения. Двое внуков Лесли живут в Соединенных Штатах. Моя дочь — партнер в успешной чикагской фирме, занимающейся финансовым планированием, а сын — партнер в преуспевающем хедж-фонде в Нью-Йорке. Оба окончили Принстонский университет и получили серьезное всестороннее образование, значительно превосходящее по своей глубине, диапазону воз-

возможностей и качеству преподавания мой скучный и небогатый опыт соискателя степени бакалавра в Кембридже. Доступный им уровень жизни намного превосходит тот, который Лесли мог себе представить, хотя он прожил достаточно долго, чтобы увидеть большую часть их достижений и порадоваться за своих внуков. Его правнуки живут в мире богатства и возможностей, которые на шахтах Йоркшира сочли бы изощренной фантазией.

Побег моего отца из Туркрофта — пример того, чему посвящена эта книга. Отец родился не в безнадежной нищете, хотя по сегодняшним меркам это выглядело бы именно так, а закончил свою жизнь в условиях относительного достатка. У меня нет данных о шахтерских поселках Йоркшира, но из каждой тысячи детей, родившихся в Англии в 1918 году, более ста умирали, не прожив и пяти лет. Наверное, в Туркрофте статистика была еще хуже. Сегодня у детей, живущих в африканских странах к югу от Сахары, больше шансов дожить до пятилетнего возраста, чем у английских детей 1918 года рождения. Лесли и его родители выжили во время сильной эпидемии гриппа в 1918–1919 годах, но его отец погиб в молодом возрасте: его убила в забое скатившаяся вагонетка. Отец моей матери тоже умер молодым от инфекции, занесенной во время удаления аппендицита. Лесли, несмотря на то что еще в молодости столкнулся с «Капитаном по имени Смерть», как называли тогда туберкулез, дожил до девяноста лет. У его правнуков есть все шансы дожить до ста лет.

Уровень жизни, по сравнению с прошлым веком, заметно вырос: все большему числу людей удастся избежать смерти в детском возрасте и прожить достаточно долгую жизнь, чтобы успеть почувствовать это улучшение. Почти сто лет спустя после рождения моего отца из каждой тысячи британских детей лишь пятеро не доживают до пяти лет, и хотя этот показатель немного выше в том месте, где раньше действовало Йоркширское угольное месторождение — шахту Туркрофт закрыли в 1991 году, — он все равно выглядит незначительным по сравнению с тем числом детей, которые умирали в 1918 году. Образование, с таким трудом давшееся моему отцу, теперь считается само собой разумеющимся. Даже среди моих британских сверстников в колледж поступало менее одной десятой части всех выпускников школы, а сегодня большинство бывших школьников имеют среднее профессиональное или высшее образование.

Побег моего отца, будущее, которое он построил для своих детей и внуков, не являются чем-то необычным. Но и обычной эту историю назвать нельзя. Лишь очень немногим из числа туркрофтских сверстников Лесли удалось получить профессиональное образование. Сестры моей матери, равно как и их мужья, не сумели сделать этого. Мамин брат переехал в Австралию со всей семьей в 1960-х годах, когда закрылась железная дорога, проходящая по территории Скоттиш-Бордерс, на которой они оба были вынуждены работать в нескольких местах, чтобы обеспечивать себя самым необходимым. Мои дети добились финансового успеха и защищенности, но им (и нам) чрезвычайно повезло: дети многих образованных и финансово успешных родителей вынуждены биться за то, чтобы оставаться на уровне, которого достигли их родители. Многим нашим друзьям приходится постоянно беспокоиться о будущем своих детей, об образовании, которое смогут получить их внуки.

Это обратная сторона нашего повествования. Хотя жизнь моего отца и его семьи становилась более продолжительной и комфортной и они жили среди людей, жизнь которых тоже в среднем становилась лучше, далеко не все эти люди обладали мотивацией и целеустремленностью моего отца, да и повезло далеко не всем. Больше моего отца не работал никто. И ему повезло, когда он не попал в число тех, кто умер ребенком, ему повезло, когда он покинул заботу и ушел на войну, а не оказался в числе десантников, погибших в ходе неудачной операции. Ему повезло, когда он не умер от туберкулеза, а успел получить работу, пока положение на рынке труда было еще благоприятным. Побег удастся не всем: одним удача благоволит, а другим — нет. И не все в равной степени бывают готовы к тому, чтобы воспользоваться удачей, не у всех хватает для этого решимости. Поэтому мой рассказ о прогрессе будет одновременно рассказом о неравенстве. Это имеет особенное отношение к нашему времени, когда прилив благополучия столь неравномерно коснулся жителей США. Единицы добились невероятных успехов. Многие продолжают свою борьбу. В целом в мире наблюдаются одни и те же закономерности прогресса: немногие совершают побег, а оставшиеся продолжают жить в условиях ужасающей нищеты, лишений, болезней и смерти.

Эта книга о нескончаемой борьбе между прогрессом и неравенством, о том, как прогресс создает неравенство

и как неравенство порой оказывается полезным, указывая путь другим, вызывая в них стремление наверстать; о том, как это неравенство порой оказывается бесполезным, когда те, кому удалось совершить побег, защищают свои позиции, разрушая тропы, по которым они сбежали. Это история пересказывалась много раз, но я хочу рассказать ее по-новому.

Проще всего думать, что люди бегут от нищеты из-за денег, стремления иметь больше и жить без щемящего чувства тревоги о том, что завтра чего-то будет не доставать, без страха за то, что, случись какая-то беда, вам не хватит средств и тогда вы и вся ваша семья пропадете. Деньги и в самом деле играют центральную роль в нашей истории. Но не менее, а может, и более важно здоровье, которое позволяет человеку прожить достаточно долго для того, чтобы иметь возможность двигаться вперед. Родители, живущие в постоянном страхе, что их дети умрут, что зачастую и происходит, матери, производящие на свет десяток детей, надеясь, что хотя бы пятеро доживут до зрелых лет, — все это отражение ужасных лишений, которые лишь усугубляют тревогу о деньгах, преследующую множество людей. Сегодня, как и всегда, болезни и смерть детей, бесконечная череда болезней, преследующая взрослых, беспросветная нищета неотступно вторгаются в жизнь одних и тех же семей.

О богатстве и неравенстве написано множество книг. Многие книги посвящены здоровью и тому, как тесно здоровье и благосостояние зависят друг от друга и как неравенство в состоянии здоровья становится отражением неравенства богатства. В книге речь одновременно идет и о здоровье, и о неравенстве. При этом я пользуюсь теми возможностями, которые предоставили мне профессиональные демографы и историки для того, чтобы я мог ступить на их территорию. Но рассказ о благосостоянии людей, о том, ради чего стоит жить, не может быть полным, если рассматривать лишь часть того, что представляется важным. Великий побег выходит за рамки академических дисциплин.

За всю мою жизнь, как экономист, я накопил много долгов интеллектуального свойства. Самое большое влияние на меня, наверное, оказал Ричард Стоун. От него я узнал о проведении измерений и о том, как мало мы можем сказать, не имея результатов измерений, и как важно правильно выполнять измерения. От Амартии Сена я узнал, как надо думать о том, ради чего стоит жить, а также то,

что благополучие надо рассматривать как некое единое целое, а не как отдельно взятые части. Измерение показателей благосостояния и стало сердцевиной этой книги.

Мои друзья, коллеги и студенты проявили чрезвычайное великодушие, прочитав предварительные варианты всей книги или ее отдельных частей. Благодаря их глубоким и проницательным замечаниям книга стала заметно лучше. Я особенно признателен тем, кто, не соглашаясь со мной, нашел время не только для критики и дискуссий, но и для похвалы и одобрения, когда считали это возможным. Я признателен Тони Аткинсону, Адаму Дитону, Жану Дрезу, Биллу Истерли, Джеффу Хаммеру, Джону Хаммоку, Дэйвиду Джонстону, Скотту Костяшаку, Ильяне Кузьемко, Дэйвиду Лэму, Бранко Милановичу, Франко Пераччи, Томасу Погге, Леандро Прадосу де лас Эскосуре, Сэму Престону, Максу Розеру, Сэму Шульхофер-Волу, Алессандро Тароцци, Николасу ван де Валле и Лейфу Уенару. Мой редактор в издательстве Принстонского университета Сет Дитчик помог мне приступить к работе и на протяжении всего времени помогал мне словом и делом.

Более тридцати лет я работаю в Принстонском университете в уникальной академической обстановке. Национальный институт проблем старения и Национальное бюро экономических исследований оказали финансовую поддержку моей исследовательской работе по вопросам здоровья и благосостояния, результаты которой были учтены в этой книге. Я много сотрудничал со Всемирным банком, который ведет постоянную работу по актуальным, имеющим практическое значение проблемам; и это сотрудничество помогло мне определить, какие проблемы существенны, а какие — нет. В последнее время я выступал в роли консультанта *Gallup Organization*. Именно эта организация впервые обратилась к глобальному исследованию вопросов благосостояния, и часть собранной ими информации представлена в начале книги. Я признателен им всем.

Последнее и самое главное. Энн Кейс вчитывалась в каждое слово почти сразу после того, как оно было написано, порой, по многу раз. Именно она взяла на себя внесение бесчисленных поправок во всей книге, и без ее безгранично благосклонного содействия эта книга не увидела бы свет.

Введение

О чем эта книга

ЖИЗНЬ стала лучше, чем была практически на всем протяжении нашей истории. Все больше людей живут богаче и все меньше сталкиваются с крайней нищетой. Выросла продолжительность жизни, и родители больше не живут в ожидании того, что их четвертый ребенок должен погибнуть. Но миллионы людей продолжают жить в ужасной нищете и умирают раньше срока. В мире существует огромное неравенство.

Неравенство часто бывает одним из *последствий* прогресса. Люди не становятся богатыми все одновременно, не у каждого есть свободный доступ к новейшим средствам спасения жизни: будь то чистая вода, вакцины или современные препараты для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Неравенство, в свою очередь, оказывает воздействие на ход прогресса. И такое воздействие может быть благоприятным. Так, индийские дети, видя, что им может дать образование, идут в школу. Но это воздействие может быть и неблагоприятным, когда более удачливые препятствуют тому, чтобы другие могли последовать их примеру, пряча лестницы, которыми они уже успели воспользоваться. Нувориши используют имеющиеся средства для того, чтобы, надавив на политиков, ограничить другим доступ к государственному образованию или здравоохранению, в которых сами они уже не нуждаются.

В книге показано, как улучшалась ситуация, что стало причиной прогресса, в чем состоит взаимосвязь между прогрессом и неравенством.

Фильм «Великий побег»

В основу известного фильма о судьбе военнопленных времен Второй мировой войны «Великий побег» положена история служившего в Королевских ВВС южноафриканца

Роджера Бушелла (в фильме роль Роджера Бартлетта играет Ричард Аттенборо), самолет которого был сбит над занятой немецкими войсками территорией. Он неоднократно пытался бежать, но каждый раз бывал пойман¹. Во время третьей попытки побега, по версии, показанной в фильме, вместе с ним побег совершили 250 военнопленных, содержащихся в лагере Шталаг Люфт III. Беглецам удалось незаметно прорыть подземные туннели. В фильме показана подготовка побега, изобретательность, проявленная при строительстве трех туннелей, которым заговорщики присвоили имена Том, Дик и Гарри, готовность импровизировать и использовать свои технические знания при изготовлении гражданской одежды и документов, и все это — на глазах бдительных охранников. В итоге все беглецы, кроме трех, были пойманы, а сам Бушелл — казнен по прямому приказу Гитлера. Но основная идея фильма заключается не в частичном успехе конкретного побега, а в неудержимом стремлении человека к свободе, какими бы сложными ни были обстоятельства.

Говоря о свободе в этой книге, я имею в виду свободу жить достойной жизнью, делая в ней то, ради чего стоит жить. Отсутствие свободы — это бедность, лишения, плохое здоровье, преследовавшие большинство людей на протяжении всего времени и до сих пор омрачающие судьбы значительной части населения планеты. Я расскажу о различных случаях побега из этой своеобразной тюрьмы, о том, как и почему эти побегии совершались и чем заканчивались. Это рассказ о материальной и физиологической стороне прогресса, о людях, ставших богаче и здоровее, это рассказ о побеге из нищеты.

Истоки неравенства, упомянутые в подзаголовке, имеют отношение к размышлениям о судьбе военнопленных, которые не сбежали. Остаться там, где они оказались, могли все военнопленные, но одним из них удалось совершить побег, другие погибли, третьих вернули обратно в лагерь, а кто-то так и остался на месте. В этом состоит природа большинства «великих побегов»: не каждый спо-

1. «Великий побег», режиссер Джон Стурдж, в ролях: Стив МакКуин, Джеймс Гарнер и Ричард Альтенборо. Производство «Мириш Компани», прокат «Юнайтед Артистс», 1963 год. По мотивам одноименной книги Пола Брикхилла. (Фильм был показан в рамках III Московского международного кинофестиваля в 1963 году под названием «Большой побег». — *Прим. перев.*)

собен решиться на него, что ни в коем случае не делает побег менее желательным или достойным восхищения. Тем не менее, думая о последствиях побега, следует помнить не только о показанных в фильме героях, но и о тех, кто оставался в лагере Шталаг Люфт III и других лагерях. Зачем о них думать? В фильме о них ничего не говорится: они не герои, они лишь случайные персонажи в сценарии. Ведь нет фильма под названием «Великие оставшиеся».

А о них *следует* подумать. Ведь число военнопленных, не бежавших из немецких лагерей, гораздо больше числа тех немногих, кто сбежал. Возможно, они пострадали за побег, который совершили другие, их могли наказать или лишить каких-то привилегий. Можно предположить, что охрана в лагерях сделала все, чтобы еще более затруднить побег. Мог ли побег части военнопленных вдохновить оставшихся в лагере на подобный поступок?

Они, конечно, могли бы использовать опыт тех, кто решился на Великий побег, возможно, сумели бы избежать повторения их ошибок. А может, они пасовали перед трудностями, понимая, что шансы на успех Великого побега невелики? Может, они завидовали беглецам и, зная, что шансы малы, чувствовали себя несчастными и подавленными, и от этого им становилось еще хуже?

Как и во всех хороших фильмах, в картине показаны и другие точки зрения. К финалу фильма ощущение радости от успешного побега почти исчезает: ведь для большинства беглецов свобода оказалась недолгой. Побег человечества от смерти и лишений начался примерно 250 лет назад и продолжается до сих пор. Но ничто не говорит о том, что этот побег будет продолжаться вечно. Многие события, такие как изменение климата, политические коллизии, эпидемии и войны могут остановить его. И правда, истории известно множество побегов, которые привели к снижению уровня жизни под воздействием именно таких сил. Мы можем и должны радоваться достигнутым успехам, но для бездумного торжества у нас нет оснований.

Экономический рост и происхождение неравенства

Многие великие эпизоды в истории прогресса человечества, включая и те, которым принято давать только положительную оценку, оставили нам в наследство неравен-

ство. Промышленная революция, начавшаяся в Великобритании в XVIII–XIX веках, положила начало экономическому росту, который открыл для сотен миллионов людей путь побега из капкана материальных лишений. Обратной стороной промышленной революции стало то, что историки назвали «Великим расхождением», когда Британия, а несколько позже Северо-Западная Европа и Северная Америка оторвались от остального мира, и в результате возникла огромная пропасть между Западом и всем остальным миром, сохранившаяся до сих пор². Сегодняшнее глобальное неравенство в значительной степени возникло в результате успешного роста современной экономики.

Не следует думать, что до промышленной революции весь остальной мир всегда был отсталым и безнадежно нищим. За десятилетия до Колумба Китай достиг такого уровня развития и богатства, что мог позволить себе направить в Индийский океан поисковую экспедицию под командованием адмирала Чжэн Хэ, состоящую из флота огромных кораблей, которые смотрелись авианосцами в сравнении с гребными кораблями Колумба³. Еще за триста лет до этого город Кайфын представлял собой задымленный мегаполис с миллионным населением, дымящие предприятия которого выглядели бы вполне уместно в Ланкашире и восемьсот лет спустя. Книгопечатники миллионными тиражами выпускали книги, доступные даже людям скромного достатка⁴. Однако удержать подобный уровень развития, не говоря уже о том, чтобы принять его в качестве отправной точки для поступательного движения к процветанию, не удалось ни в Китае, ни где-либо еще. В 1127 году Кайфын пал жертвой вторжения маньчжурских племен, ранее опрометчиво нанятых для ведения военных действий. Имея опасных союзников, не следует забывать о том, что за их услуги надо хорошо платить⁵. Экономический рост в Азии неодно-

2. Lant Pritchett, «Divergence, big time,» *Journal of Economic Perspectives*, 1997, 11(3): 3–11, and Kenneth Pomeranz, *The Great Divergence: China, Europe, and the making of the world economy*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2000.

3. Jack Goldstone, *Why Europe? The rise of the West in world history, 1500–1850*. New York: McGraw-Hill, 2009; Джек Голстоун, *Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.

4. Ian Morris, *Why the West rules — for now: The patterns of history, and what they reveal about the future*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2010.

5. Ibid.

кратно начинался и прекращался в результате действий алчных правителей, войн или влияния этих двух факторов одновременно⁶. Лишь за последние 250 лет долгосрочный и постоянный экономический рост в отдельных частях света привел к возникновению неумениящегося разрыва между различными странами. Экономический рост стал двигателем роста неравенства доходов в международном масштабе.

Промышленная революция и Великое расхождение вошли в число наиболее безболезненных побегов в истории человечества. Известно много случаев, когда прогресс в одной стране происходил *за счет* другой страны. Период Британской империи XVI–XVII веков, предшествующий промышленной революции и способствующий ее началу, пошел на пользу многим в Англии и Голландии, которые опередили другие страны в этом прорыве. К 1750 году доходы рабочих в Лондоне и Амстердаме росли быстрее, чем доходы рабочих в Дели, Пекине, Валенсии и Флоренции. Английские рабочие могли позволить себе даже немного роскоши, например чай с сахаром⁷. Страны Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна, которые подверглись завоеванию и разграблению, не просто понесли ущерб, во многих случаях они оказались под бременем экономических и политических институтов, обречших эти страны на столетия беспросветной нищеты и неравенства⁸.

Современная глобализация, подобно тем, что имели место раньше, привела к росту благосостояния и соответствующему росту неравенства. Страны, еще недавно считавшиеся бедными — Китай, Индия, Корея, Тайвань, — воспользовались глобализацией и стали расти намного быстрее, чем это делали в свое время страны, которые сегодня относятся к числу богатых. Одновременно они отделились от еще более бедных стран, большинство из которых расположены на африканском континенте, создав тем самым условия для нового неравенства. Кто-то сумел совершить побег, а кто-то так и не сдвинулся с места. Глобализа-

6. Eric L. Jones, *Growth recurring: Economic change in world history*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 2000.

7. Robert Allen, *Global economic history: A very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2011; Роберт Аллен, *Глобальная экономическая история: Краткое введение*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013.

8. Daron Acemoglu and James Robinson, *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown, 2012.

ция и новые способы ведения дел привели к неуклонному росту благосостояния в богатых странах, хотя темпы роста снизились не только по сравнению с развивающимися ускоренными темпами бедными странами, но и по сравнению с тем, что раньше наблюдалось в самих богатых странах. С замедлением роста увеличивался разрыв *внутри* большинства стран, между их жителями. Немногие счастливицы нажили сказочные состояния и образу их жизни позавидовали бы величайшие цари и императоры прошедших эпох. Большинству пришлось довольствоваться незначительным улучшением материального благосостояния, а в ряде стран, в том числе в США, люди со средним уровнем доходов живут не лучше, чем жили их родители. Конечно, этот уровень доходов по-прежнему во много раз выше, чем у предшествующих поколений; речь не идет о том, что побег не состоялся вовсе. И все же сегодня у многих есть достаточно оснований для того, чтобы задуматься над тем, не будут ли их дети и внуки оглядываться на сегодняшний день как на давно ушедший золотой век, а не как на период относительной нехватки.

В условиях, когда неравенство выступает в роли служанки прогресса, было бы серьезной ошибкой учитывать лишь усредненные показатели прогресса или, что еще хуже, принимать во внимание только успешные страны. Когда речь заходит о промышленной революции, как правило, имеются в виду только ведущие страны, а остальной мир оставляется без внимания, как будто там ничего не происходило и *не произошло*. При этом незамеченным остается не просто большинство населения планеты, но и невольный вклад, который был внесен теми, кто оказался в числе пострадавших или, в лучшем случае, просто остался на месте, не сумев совершить побег. Нельзя говорить об «открытии» Нового Света, имея в виду только его влияние на Старый Свет. Если рассматривать ситуацию в отдельных странах, то средние показатели прогресса, например темпы прироста национального дохода, ничего не скажут нам о том, каким образом происходит его распределение: распределяется ли этот прирост между широкими слоями населения, как это было в Соединенных Штатах в течение четверти века после Второй мировой войны, или он достается узкому кругу богатейших людей, как это происходит в наше время.

Рассматривая материальный прогресс, я одновременно рассматриваю *и рост доходов, и рост неравенства*.

Не только доходы, но и здоровье

Состояние здоровья улучшалось не менее впечатляющими темпами, чем росло благосостояние. В прошлом столетии средняя продолжительность жизни в богатых странах увеличилась на тридцать лет, и она продолжает увеличиваться на два-три года каждые десять лет. Дети, которые в прежние времена умерли бы, не дожив и до пятилетнего возраста, сегодня доживают до преклонных лет, а люди, достигшие среднего возраста, в котором их предшественники умирали от заболеваний сердца, сегодня могут быть свидетелями того, как подрастают и поступают в колледж их внуки. Из всего, что составляет смысл жизни, долголетие имеет особую ценность.

Но и здесь прогрессу сопутствует неравенство. За последние пятьдесят лет знание о том, что курить вредно, спасло миллионы жизней, но первыми бросали курить наиболее образованные состоятельные люди, и таким образом возник разрыв в состоянии здоровья между богатыми и бедными. Примерно в 1900 году была открыта роль микробов в возникновении различных заболеваний, и первыми, кто применил это знание на практике, были профессионалы и образованные люди. Прошло почти сто лет с начала вакцинации и применения антибиотиков в профилактике детской смертности, но и сегодня около двух миллионов детей умирают ежегодно от заболеваний, развитие которых можно было бы предотвратить с помощью вакцин. Богатые люди проходят курс лечения в современных медицинских центрах мирового уровня в Сан-Паулу и Дели, а всего в нескольких километрах от них дети из бедных семей погибают от недоедания и заболеваний, которые легко можно было бы предупредить. Столь неравномерное распределение прогресса объясняется по-разному. Причины, по которым бедные люди курят чаще, чем богатые, отличаются от причин, по которым так много детей из бедных семей остаются без прививок. Эти причины еще предстоит выявить, но сейчас речь идет о том, что процесс оздоровления населения сопровождается возникновением разрыва в состоянии здоровья точно так же, как материальный прогресс сопровождается возникновением разрыва между уровнем жизни.

Подобные проявления «неравенства в состоянии здоровья» представляются величайшей несправедливостью

современного мира. Когда появляется новое изобретение или знание, нужен *кто-то*, кто станет первым выгодоприобретателем, и в этом смысле временное неравенство можно считать разумной платой. Было бы нелепо утаивать информацию о вреде курения лишь для того, чтобы не дать нового повода для возникновения неравенства в состоянии здоровья. Однако курящих среди бедных по-прежнему больше, а дети, умирающие сегодня в Африке, остались бы в живых и шестьдесят лет назад, если бы они жили во Франции или США. Почему неравенство сохраняется и что здесь можно сделать?

Эта книга посвящена главным образом двум вопросам: уровню жизни (материальному благосостоянию) и состоянию здоровья. Хорошая жизнь зависит не только от них, но эти два вопроса важны еще и сами по себе. Одновременное рассмотрение доходов и состояния здоровья позволит избежать ошибки, получившей распространение в наше время узкой специализации, когда в рамках каждой специальности существует свой особый взгляд на благосостояние. Экономисты говорят о доходах, ученые в области охраны здоровья — о показателях смертности и заболеваемости, демографы — о показателях рождаемости, смертности и численности населения. Все эти факторы способствуют благополучию, но ни один из них *не обеспечивает* его. Само утверждение вполне очевидно, в отличие от возникающих в связи с ним проблем.

Мои коллеги-экономисты полагают, что чем больше у человека денег, тем лучше для него, что само по себе замечательно. Если несколько человек получают очень много денег, а большинство людей получит немного или совсем ничего, но при этом ничего не потеряет, то экономисты скажут, что мир стал еще лучше. В самом деле, идея о том, что до тех пор, пока никому не было причинено никакого вреда, улучшение чьего-либо положения является благом, приобрела необычайную популярность. Эта идея получила название критерия Парето. Но если толковать благосостояние в слишком узком смысле, то эта идея полностью теряет смысл. Надо, чтобы люди выигрывали или, по меньшей мере, не теряли с точки зрения *благосостояния*, а не просто с точки зрения материального уровня жизни. Когда разбогатевшие люди получают политические преимущества или ослабляют систему государственного здравоохранения и образования, а менее преуспевшие проигрывают в политике, здравоохранении и образовании, эти

менее преуспевшие люди вполне могут оказаться в выигрыше в деньгах, но их положение от этого *не улучшится*. Нельзя оценивать общество или справедливость, руководствуясь лишь показателями уровня жизни. А экономисты по привычке продолжают неверно использовать принцип Парето, говоря об уровне доходов и игнорируя при этом другие аспекты благосостояния.

Разумеется, столь же ошибочным будет рассмотрение вопросов охраны здоровья или любой другой *составляющей части* благосостояния, взятой отдельно. Хорошо, когда качество медицинского обслуживания улучшается, а все, кто нуждается в медицинской помощи, ее получают. Но нельзя определять приоритеты в здравоохранении, не учитывая связанных с ними издержек. Так же как нельзя использовать показатели продолжительности жизни в качестве меры общественного прогресса. Жить в стране с большей продолжительностью жизни лучше, если в ней не установлена тоталитарная диктатура.

Благосостояние нельзя оценивать по усредненным показателям, без учета неравенства, его нельзя оценивать лишь по одной или нескольким составляющим его частям, не рассматривая как единое целое. Если бы эта книга была намного толще, а автор знал бы намного больше, то написал бы о других аспектах благосостояния, таких как свобода, образование, автономия, достоинство и участие в жизни общества. Но даже размышляя о здоровье и доходах в рамках одной книги, мы сумеем освободиться от ошибок, возникающих в случаях, когда эти факторы рассматриваются по отдельности.

Что такое прогресс?

Не приходится сомневаться, что нашим предкам, будь у них возможность представить себе наш мир, понравилось бы то, чем мы располагаем. Нет никаких оснований полагать, что родители смогут когда-либо смириться с тем, что их дети умирают в раннем возрасте. Если сомневаетесь (а это лишь один пример из многих), посмотрите, что писала Джанет Браун о том, как мучился Чарльз Дарвин, когда умерли двое его первенцев⁹. Стремление к побегу жи-

9. E. Janet Browne, *Charles Darwin, Volume 2: The power of place*. London: Jonathan Cape, 2002.

вет в человеке всегда. Но побег не всегда возможен. Новые знания, изобретения, способы ведения дел — вот ключ к прогрессу. Порой вдохновение исходит от изобретателей-одиночек, придумывающих что-то совершенно небывалое. Чаще новые способы ведения дел возникают как побочные продукты чего-то совсем другого: так, чтение получило распространение, когда перед протестантами встала необходимость читать Библию самостоятельно. Но еще чаще инновации возникают в ответ на запрос социально-экономической среды. Успех Великобритании в эпоху империи привел к росту заработных плат, что, в сочетании с избытком угля, сделало возможными изобретения, обеспечившие достаточное количество энергии, требуемой для осуществления промышленной революции¹⁰. Период Просвещения в Британии, характерной чертой которого стал неустанный поиск способов самосовершенствования, привел к формированию плодородной интеллектуальной почвы, на которой и появились подобные изобретения¹¹. Эпидемии холеры в XIX веке привели к открытию важнейшей микробной теории возникновения заболеваний. В наше время хорошее финансирование медицинских исследований в области пандемии ВИЧ/СПИДа позволило выявить вирус и разработать препараты, которые хотя и не позволяют вылечить заболевание, но обеспечивают значительное увеличение продолжительности жизни инфицированных. Но бывают случаи, когда вдохновение так и не приходит, когда даже наличие спроса и стимулов не приносит магического или хотя бы рутинного решения. Малярия преследует людей на протяжении десятков тысяч лет, может быть даже на протяжении всей истории человечества, а у нас до сих пор нет надежного способа профилактики или лечения этого заболевания. Необходимость можно считать матерью изобретения, но нет ничего, что могло бы гарантировать успешную беременность.

Неравенство тоже влияет на процесс изобретения. Иногда это хорошо, а иногда — плохо. Страдания обездоленных заставляют обращаться к поиску новых способов преодоления разрыва хотя бы потому, что сам факт существования тех, кто не является обездоленным, указы-

10. Allen, *Global economic history*; Аллен, *Глобальная экономическая история*.

11. Roy Porter, *The creation of the modern world: The untold story of the British Enlightenment*. New York: Norton, 2000; Joel Mokyr, *The enlightened economy: An economic history of Britain, 1700–1850*. New Haven, CT: Yale University Press, 2009.

вает на то, что обездоленность — это не что-то необходимое. Хорошим примером служит использование дешевых и простых в изготовлении препаратов для проведения пероральной регидрационной терапии в лагерях беженцев в Бангладеш в 1970-х годах, ставших спасением от смерти в результате обезвоживания миллионов детей, страдающих от диареи. Но случается и по-другому. Интересы сильных мира сего очень страдают при внедрении новых изобретений и способов ведения дел. Экономисты считают эпохи инноваций периодами подъема волны «созидательного разрушения». Новые методы сметают старые, разрушая жизнь и лишая средств к существованию тех, кто зависел от старого порядка. Сегодня глобализация задела за живое многих: импорт более дешевых товаров из-за рубежа равнозначен появлению нового способа производства таких товаров и сулит неприятности тем, кто зарабатывал на жизнь выпуском этих товаров внутри страны. Некоторые из тех, кто может остаться в проигрыше, кто опасается, что может пострадать от происходящих изменений и при этом обладает политическим влиянием, может объявить новые идеи вне закона или затормозить их внедрение. Китайские императоры, обеспокоенные угрозой своей власти со стороны купцов, запретили в 1430 году выход кораблей в океан, в результате экспедиции адмирала Чжэн Хэ оказались не началом, а завершением нового дела¹². Австрийский император Франц I наложил запрет на развитие железных дорог, опасаясь, что они принесут с собой революцию и поставят его власть под угрозу¹³.

В чем значение неравенства?

Неравенство может ускорять прогресс, а может и сдерживать его. Но насколько это важно само по себе? На этот вопрос нет однозначного ответа. По мнению философа и экономиста Амартии Сена, даже среди тех, кто убежден в необходимости обеспечения одной из форм равенства, существуют самые различные мнения о том, *в чем именно* это равенство должно состоять¹⁴. Некоторые экономисты и фи-

12. Morris, *Why the West rules*.

13. Acemoglu and Robinson, *Why nations fail*.

14. Amartya Sen, *Inequality re-examined*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1992; Amartya Sen, *The idea of justice*. Cambridge, MA: Harvard University

лософы считают неравенство доходов несправедливым, если только оно не является необходимым для достижения какой-то великой цели. Например, если бы правительство гарантировало одинаковый доход для всех, то люди могли бы решить, что теперь могут работать значительно меньше, и в результате жизнь в таком мире стала бы хуже даже для самых бедных слоев населения по сравнению с миром, в котором некоторое неравенство допустимо. Другие говорят скорее о равенстве возможностей, а не о равенстве результатов, хотя существует много мнений относительно того, что следует считать равенством возможностей. Третьи видят справедливость в пропорциональности: человек должен получать пропорционально сделанному им вкладу¹⁵. Подобный взгляд на справедливость позволяет легко сделать вывод о том, что *равенство* доходов не является справедливым, когда речь идет о перераспределении доходов богатых в пользу бедных.

В книге уделено особое внимание различным мнениям о том, что несет в себе неравенство: пользу или вред; имеет ли значение то, о каком именно неравенстве мы говорим. Выигрывает ли общество от того, что в нем живут очень богатые люди, тогда как большинство людей вовсе не богаты? И если нет, то выигрывает ли общество от существования правил и институтов, позволяющих отдельным людям становиться гораздо богаче остальных? Вредит ли богатый всем остальным, например, не допуская тех, кто небогат, к участию в управлении обществом? Насколько сходны неравенство в состоянии здоровья и неравенство в доходах, и есть ли между ними какие-то различия? Всегда ли это неравенство несправедливо или же иногда оно служит высшему благу?

Дорожная карта

Цель этой книги состоит в том, чтобы рассмотреть, что происходит в мире с богатством и здоровьем. Особое внимание в ней уделено современности, а взгляд в прошлое позволит нам понять, как мы пришли к тому, что имеем.

Press, 2009; Амартья Сен, *Идея справедливости*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.

15. Sen, *Idea of justice*; Сен, *Идея справедливости*; Jonathan Haidt, *The righteous mind: Why good people are divided by politics and religion*. New York: Pantheon, 2012.

Глава I — вводный обзор. Это зарисовка нашего мира: карта, показывающая, где жизнь хороша, а где — нет. Это снимок, показывающий мир, который достиг значительного прогресса в преодолении бедности и снижении смертности, мир, в котором также существует огромное неравенство жизненных стандартов, шансов на сохранение жизни и достижение благосостояния.

Три главы части I посвящены здоровью. В них говорится о том, как прошлое определило наше состояние здоровья сегодня, почему сотни тысяч лет, на протяжении которых люди жили как охотники-собиратели, так важны для понимания современных проблем охраны здоровья, почему в результате революционного снижения уровня смертности, начиная с XVIII века, появились стереотипы, до сих пор находящие отражение в развитии здравоохранения. Переход к сельскому хозяйству, который произошел семь — десять тысяч лет тому назад, позволил увеличить производство продовольствия, но он также принес новые болезни и новые виды неравенства, когда иерархические государства пришли на смену эгалитарным группам охотников-собирателей. В Англии XVIII века глобализация принесла новые лекарственные препараты и новые методы лечения, благодаря которым было спасено множество жизней, правда, в основном тех, кто мог себе позволить эти методы и препараты. И хотя новые методы привели к снижению общей смертности, именно аристократия намного раньше простых людей увеличила свои жизненные шансы. К концу XIX века разработка и подтверждение микробной теории возникновения заболеваний позволили создать предпосылки для еще одного рывка, равно как и для появления еще одной грандиозной пропасти: на этот раз между жизненными шансами тех, кто родился в богатых странах, и тех, кто родился в иных местах.

Я рассказываю о борьбе за жизни детей в мире, который остался на месте, не сумев присоединиться к побегу. Это рассказ о прогрессе, в основном, в период после Второй мировой войны, когда возникла возможность преодоления пропасти, начавшей разрастаться в XVIII веке. Это рассказ о многих великих успехах, когда антибиотики, борьба с вредителями, прививки и чистая вода позволили спасти миллионы детей, когда средняя продолжительность жизни иногда увеличивалась (невообразимыми темпами) на несколько лет ежегодно. Разрыв между ожидаемой продолжительностью жизни в мире бедных и в мире

богатых сократился, но он не исчез. Были и ужасные неудачи, в том числе катастрофический, искусственно созданный голод в Китае в 1958–1961 годах, недавняя эпидемия ВИЧ/СПИДа, отбросившая ряд африканских стран на три десятилетия назад в борьбе со смертностью. Даже если не считать эти бедствия, многое еще только предстоит сделать. Во многих странах до сих пор отсутствуют полноценные системы оказания текущей медицинской помощи. Как и прежде, многие дети погибают лишь потому, что они родились в «неправильной» стране. Есть страны, в частности Индия, но не она одна, в которых половина детей серьезно страдает от недоедания.

Одна из (хороших) причин, по которой разрыв в показателях смертности между богатыми и бедными не был ликвидирован ранее, состоит в том, что смертность снижается и в богатых странах, но совсем по-другому: в большей степени за счет снижения смертности среди взрослого населения, а не снижения детской смертности. В заключительной части рассказа о здоровье затрагиваются вопросы снижения смертности в богатых странах: как и почему сокращается разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами, о (значительном) влиянии курения, о том, почему борьба с кардиологическими заболеваниями была гораздо более успешной, чем борьба против рака. И вновь мы наблюдаем связь между прогрессом и растущим неравенством в состоянии здоровья, как это было в Великобритании в конце XVIII века.

Две главы второй части книги посвящены материальному уровню жизни. Я начинаю с Соединенных Штатов. И хотя Америка представляет собой исключение, нередко — крайнее (например, с точки зрения неравенства доходов), силы, проявившие себя в Америке, заявляют о себе и в других богатых странах. После Второй мировой войны экономический рост принес американцам новую волну процветания, но еще до Великой рецессии этот рост постепенно замедлялся, десятилетие за десятилетием. Послевоенный рост привел к заметному снижению нищеты, особенно среди афроамериканцев и людей старшего возраста, а неравенство увеличилось незначительно. До начала 1970-х годов США действительно были примером современной ведущей экономики. Но с тех пор происходило нарастающее замедление темпов экономического роста, которое сопровождалось все большим ростом неравенства, связанным все в большей степени со стремительным ро-

стом доходов наиболее богатых. У такого неравенства, как всегда, есть хорошая сторона: вознаграждение за образование, инновации и творчество стало больше, чем прежде. Но Соединенные Штаты представляют собой хороший пример и обратной стороны: политических и экономических угроз благосостоянию со стороны плутократии.

Я также рассматриваю уровень жизни в мире в целом. Здесь наблюдается, пожалуй, величайший и, безусловно, самый стремительный побег во всей истории человечества: снижение нищеты во всем мире начиная с 1980 года. В значительной мере это объясняется развитием двух крупнейших стран — Китая и Индии, — где экономический рост в последние годы позволил изменить жизнь более чем одного миллиарда людей. Преодоление глобальной нищеты опровергает мрачные прогнозы 1960-х годов, с которыми соглашались практически все: в них говорилось о лишениях и бедствиях, которые обрушатся на мир в результате демографического взрыва. Вопреки пророчествам пессимистов мир развивался намного успешнее. Тем не менее около одного миллиарда людей все еще живут в ужасающей нищете. Многим удалось совершить побег, но многие так и остались на своих местах.

Часть III состоит из одной главы, эпилога, в котором я прерываю повествование и говорю о том, что необходимо сделать, и — что еще важнее — о том, чего делать не следует. Я считаю, что мы, подразумевая тех, кому посчастливилось родиться в «правильных» странах, несем моральное обязательство содействовать снижению нищеты и заболеваемости на земле. Те, кто сумел совершить побег самостоятельно, или те, за кого это сделали его предки, должны помочь тем, кто все еще остается в заключении. Для многих выполнение этого морального долга связано с внешней помощью, оказываемой национальными правительствами (многие из которых учредили официальные агентства по оказанию помощи), международными организациями, такими как Всемирный банк или Всемирная организация здравоохранения, либо через тысячи неправительственных организаций (НПО), занятых предоставлением помощи и действующих на национальном и международном уровнях. Некоторые виды такой помощи хорошо зарекомендовали себя. Я полагаю, хорошим примером можно считать помощь в борьбе с такими заболеваниями, как ВИЧ/СПИД или оспа. В то же время я считаю, что в большинстве случаев внешняя помощь

приносит больше вреда, чем пользы. Если оказание помощи подрывает возможности роста этих стран, а я полагаю, что так оно и есть, то теряется сам смысл помощи, оказываемой только из тех соображений, что «надо же делать хоть что-то». Это «что-то» заключается в том, чтобы остановиться.

Послесловие является кодой, возвращающей нас к основным темам. В нем ставится вопрос, стоит ли рассчитывать на настоящий Великий побег, который, в отличие от одноименного фильма, будет иметь счастливый финал?

Мера прогресса, мера неравенства

По возможности, я подкрепляю свои аргументы данными и, почти всегда, — графиками. Невозможно последовательно обсуждать прогресс, не определившись с понятиями и подтверждающими свидетельствами. В самом деле, разумное управление невозможно без сбора данных. Государства на протяжении тысячелетий вели учет численности населения. Широко известный пример: проведение переписи в Римской империи заставило Марию и Иосифа уйти в Вифлеем, город, в котором Иосиф родился. В Конституции США указано на необходимость проведения переписи населения каждые десять лет; без этого невозможно существование справедливой демократии. Еще в 1639 году колонисты, проживавшие на территории современного Массачусетса, утвердили проведение полного учета числа рождений и смертей. Без статистики естественного движения населения политика в сфере здравоохранения будет слепа.

Не последней из проблем в сфере охраны здоровья, с которыми сталкиваются бедные страны в сегодняшнем мире, является отсутствие достоверной информации о численности умерших, не говоря уже о причинах их смерти. Тут нет недостатка в надуманных цифрах и интерполяциях, предлагаемых международными агентствами, но не все и не всегда понимают, что подобные данные не могут служить надежной основой ни для выработки политики, ни для определения необходимости внешней помощи, ни для оценки помощи извне. Необходимость сделать хоть что-то берет верх над необходимостью понять, что именно нужно сделать. Если данных нет, то каждый, кто хоть что-то делает, может утверждать, что добил-

ся успеха. В своей книге я постараюсь обосновать цифры, которыми я оперирую: откуда они берутся, в какой мере они представляются достоверными (или недостоверными). Я также попытаюсь показать на конкретном случае, почему отсутствие данных обернулось скандалом, который до сих пор не получил должной оценки.

Не понимая, каким образом данные сводятся воедино и что они собой представляют, мы рискуем видеть проблемы там, где их нет, не обращая внимания на неотложные и вполне решаемые задачи; терять самообладание под гнетом надуманных проблем, не замечая при этом действительно кошмарных ситуаций; рекомендовать политику, не имеющую должного обоснования.

Национальное счастье и национальный доход

Большая часть книги посвящена материальному благосостоянию, измеряемому, как правило, уровнем доходов, суммами денег, которые люди вынуждены тратить или экономить. Эти суммы всегда необходимо корректировать с учетом расходов на покупки, но если эти расходы учтены, то деньги представляют собой вполне достоверный показатель способности людей покупать вещи, от которых зависит их материальное благосостояние. Однако многие возражают, что доходам уделяется слишком большое внимание. Конечно, хорошая жизнь означает больше, чем просто деньги, но это утверждение зачастую доходит до того, что деньги вообще не имеют никакого значения для улучшения жизни людей, по крайней мере, после того, как люди удовлетворили свои базовые потребности.

Этот довод частично опирается на ряд социологических опросов, касающихся счастья. Эти опросы, как утверждается, свидетельствуют о том, что после того как основные потребности человека удовлетворены, деньги перестают или почти перестают иметь какое-либо значение для его счастья. Если это так и если считать счастье верным показателем благосостояния, то большая часть моих доводов окажется ненужной. Поэтому будет правильно начать с рассмотрения соотношения счастья и количества денег. Обсуждение этого вопроса также позволит мне показать и объяснить способ составления графиков, которыми я пользуюсь на протяжении всей книги.

При проведении опросов людей часто спрашивают, как им живется, насколько, например, они довольны своей жизнью в целом. Полученные данные часто называют показателями «счастья», хотя легко вспомнить примеры того, как несчастные люди считают свою жизнь хорошей, и наоборот. В действительности, как мы увидим, смешивание понятий удовлетворенности жизнью и счастья является большой ошибкой. Удовлетворенность жизнью представляется общим суждением, результатом размышлений, в то время как ощущение счастья является эмоцией, настроением, чувством, а значит частью жизненного опыта¹⁶.

Gallup Organization провела в ряде стран мира опрос, предлагая респондентам оценить свою жизнь по ступеням воображаемой «лестницы жизни» с одиннадцатью ступенями, где нижняя ступенька означает 0 — «наихудшую жизнь, которую Вы можете себе представить», а верхняя — 10, то есть «наилучшую жизнь». Каждого респондента просили указать, на какой ступени лестницы, по его мнению, он находится в данное время. Мы можем использовать эти данные, чтобы посмотреть, каким образом страны соотносятся друг с другом и, в частности, действительно ли страны с более высоким уровнем доходов занимают верхние ступени.

На рис. 1 показана средняя оценка жизни для каждой страны по сравнению с показателями национального дохода на душу населения, или, точнее, валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения; указаны средние показатели за период 2007–2009 годов. Доход измеряется в долларах США с коррекцией, учитывающей различия в уровнях цен между странами. В главе 6 я объясню, откуда берутся эти цифры, а также приведу существенные оговорки, которые следует иметь в виду. В кругах на рисунке выделены участки, пропорциональные численности населения каждой страны; две большие страны слева — это Китай и Индия, а большая страна в правом верхнем углу — США. Я отметил еще несколько стран, представляющих особый интерес.

С первого взгляда понятно, что люди, живущие в действительно бедных странах, показанных в левой части рисунка, в целом очень недовольны своей жизнью; у них

16. Daniel Kahneman and Jason Riis, «Living, and thinking about it: Two perspectives on life,» in Felicia Huppert, Nick Baylis, and Barry Keverne, eds., *The science of well-being*. Oxford: Oxford University Press, 2005, 285–304.

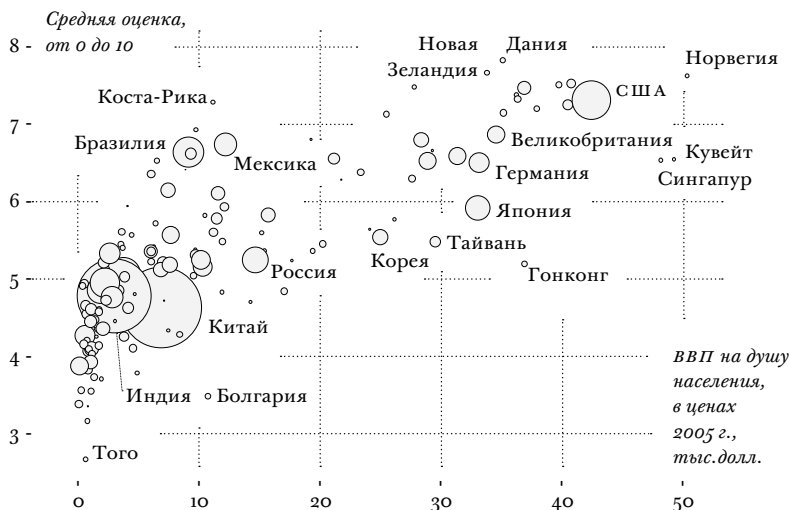

РИС. 1. Оценка жизни и ВВП на душу населения

не только низкие доходы, но и жизнь свою они оценивают как плохую. На другом конце света, в Соединенных Штатах и других богатых странах люди имеют высокие доходы и оценивают свою жизнь как хорошую. Худшей страной оказалась Того, одна из беднейших стран мира, где у людей очень мало свободы любого рода, а лучшей — Дания, богатая, свободная страна. Скандинавские страны регулярно опережают Соединенные Штаты при проведении таких сравнений, но средняя оценка жизни в Соединенных Штатах по-прежнему одна из лучших в мире. Существует много исключений из этого правила. В странах Восточной Азии и бывших коммунистических странах наблюдается тенденция к низкой оценке, и здесь Болгария является наиболее ярким примером, в то время как страны Латинской Америки, как правило, относительно успешны. Доход, конечно, не единственный показатель, который имеет значение при оценке людьми своей жизни.

Если мы посмотрим в левый нижний угол рисунка, где представлены бедные страны, то увидим, что оценка жизни довольно быстро увеличивается с ростом национального дохода. После Китая и Индии при движении из левого нижнего угла в правый верхний повышение оценки жизни и доходов становится менее резким. Подойдя к Бразилии и Мексике, замечаем, как оценка жизни приближается

к семи баллам из десяти возможных, что лишь примерно на один балл меньше, чем в по-настоящему богатых странах, расположенных в правом верхнем углу. Уровень доходов более важен в беднейших странах, чем в самых богатых. Глядя на эту картину, напрашивается вывод, что после того как ВВП на душу населения достигает примерно 10 000 долларов в год, дальнейшее увеличение количества денег уже не так сказывается на улучшении жизни людей, и об этом говорят многие¹⁷. Но это не так.

Чтобы объяснить, почему деньги имеют значение даже в богатых странах, нам придется несколько изменить рис. 1. Думая о деньгах, мы подразумеваем доллары, но еще мы имеем в виду и процентное соотношение. В тех редких случаях, когда мои коллеги по Принстонскому университету обсуждают свои заработки, они, скорее, говорят о том, что один получил надбавку в 3%, а другой — в 1%. И правда, декан скорее выразит свое удовольствие или неудовольствие работой преподавателя в виде надбавки к заработной плате в процентах, а не просто увеличив зарплату на определенное количество долларов. Хотя увеличение заработка на 1% для человека, получающего 200 000 долларов в год, в долларах будет больше, чем 2%-ное увеличение для того, кто зарабатывает 50 000 долларов в год, и последний (справедливо) посчитает, что он в прошедшем году работал лучше. Изменение, измеряемое в процентах, стало основной единицей в такого рода расчетах; 10% — это 10% независимо от размера базового дохода.

Вот и все, что мы можем сделать с данными, представленными на рис. 1, хотя различия между странами столь огромны, что имеет смысл учитывать не процентное соотношение, а то, сколько раз имело место четырехкратное увеличение дохода. Возьмем цифру в 250 долларов США в год в качестве базового показателя: только Зимбабве и Демократическая Республика Конго (ДРК) имеют показатели в 250 долларов или ниже. Такие страны, как Уганда, Танзания и Кения достигли уровня около 1000 долларов,

17. Ronald Inglehart and Hans-Dieter Klingemann, «Genes, culture, democracy and happiness,» in Ed Diener and Eunkook M. Suh, eds., *Culture and subjective well-being*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000, 165–83; Richard Layard, *Happiness: Lessons from a new science*. London: Penguin, 2005; Ричард Лэйард, *Счастье: уроки новой науки*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012; Richard Wilkinson and Kate Pickett, *The spirit level: Why greater equality makes societies stronger*. New York: Bloomsbury, 2009.

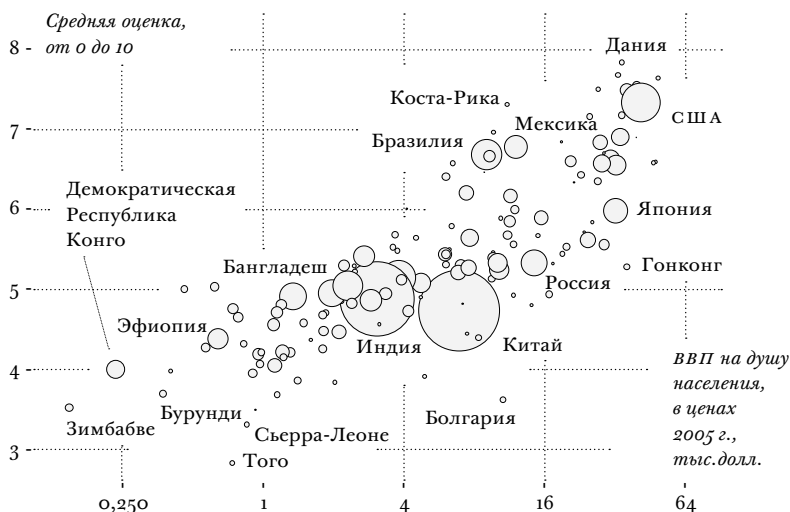

РИС. 2. Оценка жизни и ВВП на душу населения на логарифмической шкале

что вчетверо выше показателя, принятого в качестве базового; показатели Китая и Индии еще вчетверо выше показателей Танзании и Кении, приближаясь к 16-кратной отметке по отношению к базовому показателю. Показатели Мексики и Бразилии вчетверо превышают показатели Китая и Индии. А доходы богатейших стран мира еще в четыре раза выше: они в 256 раз богаче самых бедных стран в мире. (В главе 6 я поясню, почему эти цифры следует принимать лишь в качестве ориентировочных показателей.) Вместо того чтобы при сравнении оценок качества жизни использовать выраженные в долларах показатели доходов, мы можем использовать схему их четырехкратного увеличения, отмечая уровни увеличения дохода в 4 раза, 16 раз, 64 раза и в 256 раз по отношению к базовому показателю, как это сделано на рис. 2.

На рис. 2 используются *те же данные*, что и на рис. 1, но доход теперь указан в масштабе 1, 4, 16, 64 и 256. Я, однако, отметил на этих пяти точках соответствующие первоначальные суммы в долларах: от 250 до 64 000, так что связь с доходами очевидна. Движение от одного деления к последующему вдоль горизонтальной оси всегда означает четырехкратное увеличение доходов. В более общем виде равные расстояния при движении по оси слева на

право представляют собой равное процентное увеличение дохода, а не равные суммы в долларах, как это было на рис. 1. Такая шкала называется *логарифмической* шкалой, и мы с ней еще встретимся.

Хотя мы изменили только разметку горизонтальной оси, рис. 2 выглядит иначе, чем рис. 1. Плато, показывающее богатые страны, исчезло, и теперь эти страны расположены на более или менее прямой линии. Это говорит о том, что равные различия дохода *в процентах* дают равные абсолютные сдвиги в оценке качества жизни. В среднем, когда мы движемся от одной страны к другой, в которой доход на душу населения вчетверо выше, оценка качества жизни будет сдвигаться примерно на одно деление по шкале от нуля до десяти, это относится как к бедным, так и к богатым странам. Для того чтобы исключить любые недоразумения, отмечу: да, существует много исключений и много стран, находящихся на этой лестнице выше или ниже, чем можно было бы ожидать, учитывая уровень их национального дохода. Не всегда оценка качества жизни во всех богатых странах выше, чем во всех бедных странах: Китай и Индия представляют собой два наглядных примера. Но если брать в среднем по всем странам, богатым или бедным, четырехкратное увеличение уровня доходов сопровождается увеличением оценки качества жизни на один пункт.

Какая же диаграмма верна — первая или вторая? Верны обе, как верно и то, что доход профессора, получившего 2%-ную надбавку к заработной плате в 50 000 долларов, увеличился на 1000 долларов, в то время как доход профессора, получившего 1%-ную надбавку к зарплате в 200 000 долларов, увеличился на 2000 долларов. Одна и та же процентная надбавка будет означать большую сумму денег при движении от Индии к Соединенным Штатам, чем при движении от Конго к Индии, несмотря на то что в обоих случаях речь идет о четырехкратном увеличении. Рис. 1 показывает, что одинаковый *абсолютный* прирост в долларах имеет меньше значения для удовлетворенности жизнью богатого человека, чем для бедного человека, а рис. 2 показывает, что одинаковое *процентное* увеличение дает такое же увеличение удовлетворенности жизнью.

Показатели оценки жизни охватывают важные аспекты жизни, не относящиеся к доходу, и это становится поводом для разговоров о том, что нам не следует преувеличивать важность уровня доходов. Это нормально, если

речь идет о рассмотрении других аспектов благосостояния, таких как здоровье, образование или участие в жизни общества. Но это ненормально, если имеется в виду, что размер дохода не имеет значения или что он ничего не меняет в жизни тех, кто проживает в странах более богатых, чем Мексика. И это еще менее нормально, если нам предлагают сосредоточиться только на оценке качества жизни, игнорируя все остальное. Критерии оценки качества жизни далеки от совершенства. Люди не всегда уверены, что им понятен смысл вопросов, не знают, каких ответов от них ожидают, в то время как сравнения в международном масштабе могут оказаться неточными из-за национальных различий в том, как люди привыкли отвечать на вопросы. Во многих странах можно рассчитывать лишь на ответы типа «не на что пожаловаться» или «не все так плохо». Люди других культур проявляют свои чувства более открыто, и они не столь сдержаны в оценке своих успехов. Поэтому рис. 2 важен, поскольку из него видно, что ориентация на доход не столь ошибочна. В более богатых странах оценки качества жизни выше, даже если рассматривать самые богатые страны мира.

Я вернусь к критериям оценки счастья и удовлетворенности жизнью в следующей главе, но там моей главной целью будет более широкий взгляд на благосостояние в современном мире: благосостояние тех, кто уже совершил Великий побег, и тех, кто все еще ждет своего часа.

ГЛАВА 1

Благосостояние мира

ВЕЛИЧАЙШИЙ побег в истории человечества — это побег от нищеты и смерти. На протяжении тысячелетий тем, кому удавалось избежать смерти в детском возрасте, грозили долгие годы ужасающей нищеты. Эпоха Просвещения, промышленная революция, открытие микробной теории возникновения заболеваний позволили многократно повысить уровень жизни, продолжительность жизни увеличилась более чем вдвое, жизнь людей стала полнее и богаче, чем когда-либо. И этот процесс продолжается. Мой отец прожил вдвое дольше, чем оба моих деда, его доход инженера-строителя многократно превышал доход его отца, работавшего шахтером, а мой уровень образования и дохода намного превосходит уровень образования и доходов моего отца. Во всем мире падает уровень смертности детей и взрослых. Но побег еще далеко не завершен. Уровень жизни, школьное образование, продолжительность жизни, доступные одному миллиарду жителей планеты, по-прежнему лишь ненамного выше тех, которыми довольствовались их (или наши) предки. Великий побег полностью изменил мир для тех из нас, кто более богат, крепче здоровьем и телосложением и выше ростом, чем были наши деды и прадеды. Великий побег полностью изменил мир и в другом, не столь положительном смысле: значительная часть населения мира осталась на прежнем месте, не сумев присоединиться к побегу. Мир стал несопоставимо более неравным, чем он был триста лет тому назад.

Книга повествует о Великом побеге, о благах, которые стали доступны человечеству, и о том, каким образом неравенство, существующее в современном мире, стало результатом этого побега. В книге также объясняется, что необходимо сделать и чего делать нельзя, для того чтобы помочь тем, кто до сих пор не может вырваться из нищеты.

Термином «*благосостояние*» я обозначаю все то, что полезно для человека, что позволяет сделать его жизнь достойной. Под *благосостоянием* понимается материальное благосостояние, включающее доход и имущественное положение; физическое и психологическое благополучие, выраженное в состоянии здоровья и счастья; образование и возможность принимать участие в жизни гражданского общества в условиях демократии и верховенства закона. Значительная часть книги посвящена двум из перечисленных составным частям *благосостояния*: состоянию здоровья и богатству. Я также коснусь вопроса о счастье.

Я начну с краткого обзора *благосостояния* в сегодняшнем мире, с того, как оно изменялось на протяжении последних 30–50 лет, представлю основные факты, дополнив их лишь минимумом пояснений. В последующих главах книги я более подробно рассмотрю отдельные темы, задаваясь вопросом, как мы оказались в подобной ситуации и каким образом и в каком направлении нам двигаться дальше.

Здоровье и богатство

Очевидно, что рассмотрение вопросов *благосостояния* надо начинать со здоровья. Жизнь нужна для того, чтобы жить *хорошо*, а плохое здоровье и физические недостатки могут сильно ограничить возможность получать удовольствие от жизни. Поэтому я начну с самой жизни.

Девочка, родившаяся сегодня в Соединенных Штатах, может рассчитывать прожить более 80 лет. Эта официальная оценка на самом деле очень консервативна: она не учитывает перспектив снижения смертности на протяжении жизни этой девочки, не учитывает прогресса, ведь маловероятно, что прогресс вдруг остановится. Конечно, трудно строить прогнозы относительно будущих достижений в охране здоровья, но вполне можно предположить, что вероятность того, что девочка, родившаяся в семье белых, относящихся к среднему классу жителей сегодняшней зажиточной Америки, доживет до 100 лет, составляет 50/50¹. Это заметно отличается от того, насколько могла

1. Соответствующие расчеты приведены в James Vaupel and John M. Owen, «Anna's life expectancy», *Journal of Policy Analysis and Management*, 1986, 5(2): 383–89.

расчитывать ее прабабушка, родившаяся в 1910 году, чья ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляла 54 года. Из всех девочек, родившихся в США в 1910 году, 20% умирали, не дожив до пяти лет, и лишь две из пяти тысяч девочек доживали до своего 100-летнего юбилея. Даже бабушка такой девочки, родившаяся в 1940 году, по данным демографов, могла рассчитывать дожить до 66 лет, а 38 из 1000 девочек, родившихся в том же году, не доживали до своего первого дня рождения.

Подобные исторические различия меркнут в сравнении с различиями, существующими между странами мира сегодня, когда во многих из них состояние здоровья населения хуже, чем оно было в США в 1910 году. Четверть детей, родившихся в Сьерра-Леоне, Анголе, Свазиленде, Демократической Республике Конго или в Афганистане, не доживают до своего пятого дня рождения, а ожидаемая продолжительность жизни при рождении лишь немногим превышает 40 лет. Одна женщина рождает, как правило, от пяти до семи детей, и большинство матерей теряет, по меньшей мере, одного ребенка. В этих странах на каждую тысячу родов приходится одна материнская смерть, а для женщин, родивших 10 детей, риск умереть во время родов возрастает до 1:100. Но даже эти удручающие данные выглядят *намного лучше* по сравнению с тем, что происходило на протяжении предыдущих десятилетий: даже в худших из мест на планете, где, похоже, вообще все идет не так, показатели смертности начали снижаться. В ряде наиболее неблагополучных стран, например в Свазиленде, если ребенку и удастся дожить до пятилетнего возраста, то он рискует заболеть ВИЧ/СПИД, а это многократно увеличивает вероятность того, что он умрет до 40 лет, то есть в возрасте, в котором в обычных странах умирает очень много людей. Но такие кошмары происходят не во всех тропических странах и даже не во всех бедных странах. Во многих странах, включая как минимум одну тропическую (Сингапур), у новорожденного имеются хорошие шансы на выживание, не уступающие, а иногда и превышающие шансы ребенка, родившегося в США. Даже в Китае и Индии (где в 2005 году проживало более одной трети всего населения планеты и почти половина беднейшего населения Земли) ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 73 и 64 года, соответственно.

Далее я объясню подробнее, откуда берутся эти цифры, а сейчас отмечу, что чем беднее страна, тем обычно хуже

ее медицинская статистика. Тем не менее мы располагаем достаточной информацией о детской смертности в возрасте от одного года до пяти лет. Намного хуже обстоит дело с информацией о смертности среди взрослого населения, включая материнскую смертность при родах, или об ожидаемой продолжительности жизни человека, достигшего 15-летнего возраста.

Говоря о здоровье, мы говорим не просто о жизни или продолжительной жизни, но о здоровой жизни на всем ее протяжении. Хорошее состояние здоровья подразумевает многое, помимо простого факта того, что человек жив. И здесь мы видим, что со временем ситуация улучшается, но при этом сохраняются различия между бедными и богатыми странами. Жители богатых стран реже жалуются на боли и ограниченные возможности, чем жители бедных стран. В богатых странах постепенно уменьшается число людей с ограниченными возможностями. Со временем улучшаются показатели интеллектуального развития. В большинстве стран мира люди стали выше ростом. На росте человека сказываются недоедание и болезни, перенесенные в детстве. Часто те, кто в детские годы не доел или болел, не вырастают до роста, заложенного в них генетически, которого они могли бы достичь в идеальных условиях. Недостаточный рост может свидетельствовать о тяжелом детстве, повлиявшем на развитие мозга, что ограничивает возможности человека уже в зрелом возрасте. Европейцы и американцы в среднем выше африканцев и намного выше китайцев или индийцев. Взрослые дети выше своих родителей и еще выше своих бабушек и дедушек. Глобальное улучшение здоровья населения и рост доходов, равно как и глобальное неравенство, сказываются даже на внешнем виде людей.

Различия в состоянии здоровья часто отражаются в различиях в уровне жизни или в нищете. Американцы стали намного богаче, чем они были в 1910 или 1945 годах, а в странах с наименьшей ожидаемой продолжительностью жизни уровень доходов составляет сегодня (почти невероятно) малую долю уровня доходов в США. В Демократической (звучит как гротеск) Республике Конго (ДРК, известной, как Заир в период правления Жозефа Мобуту в 1965–1997 годах) национальный доход на душу населения составляет около 0,75% национального дохода на душу населения в США. Больше половины населения ДРК живет меньше чем на один доллар на человека в день;

похожая ситуация наблюдается в Сьерра-Леоне и Свазиленде. По другим наиболее неблагополучным странам данные отсутствуют из-за продолжающихся там конфликтов. Одним из таких примеров является Афганистан.

По данным Бюро переписи населения США, в 2009 году бедные составляли 14% населения страны, но здесь надо иметь в виду, что минимальный прожиточный уровень в США значительно выше — около 15 долларов в день. Трудно представить, как в США можно жить на один доллар в день на человека, хотя существуют расчеты, показывающие, что можно прожить на 1 доллар 25 центов в день, если не учитывать расходы на жилье, медицинскую помощь и образование². Но именно этой или близкой к ней суммой приходится довольствоваться беднейшему населению планеты.

Связь между ожидаемой продолжительностью жизни и нищетой, хотя и вполне зримая, не позволяет получить точных данных. В Китае и Индии, где ожидаемая продолжительность жизни составляет 73 и 64 года, соответственно, многие люди живут меньше, чем на один доллар в день — примерно четверть населения Индии и около одной седьмой части сельского населения Китая. И хотя по своему размеру экономика Китая скоро обгонит США, доход на душу населения в Китае составляет лишь около 20% дохода на душу населения в США. Другими словами, в среднем каждые пять китайцев делят между собой доход одного американца. Есть и другие, еще более бедные страны с достаточно высокой ожидаемой продолжительностью жизни. В качестве примера можно привести Бангладеш и Непал, где этот показатель превышает 60 лет, или Вьетнам, где жизнь совсем немногим лучше, но в 2005 году ожидаемая продолжительность жизни составляла там 74 года.

В других богатых странах положение намного хуже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня доходов. Примечательный пример — Соединенные Штаты, где ожидаемая продолжительность жизни одна из самых низких среди богатых стран. Еще один пример совсем другого рода — Экваториальная Гвинея, где в 2005 году благодаря доходам от продажи нефти резко вырос уровень дохо-

2. Robert C. Allen, Tommy E. Murphy, and Eric B. Schneider, «The colonial origins of the divergence in the Americas: A labor market approach», *Journal of Economic History*, 2012, 72(4): 863–894.

дов, но ожидаемая продолжительность жизни составляет менее 50 лет. Экваториальной Гвинеей, бывшей испанской колонией в Западной Африке, управляет президент Теодоро Обианг Нгема Мбасого, который мог бы претендовать на оспариваемое многими звание худшего африканского диктатора. Он сам и члены его семьи присваивают себе значительную часть доходов страны от экспорта нефти.

Высокая ожидаемая продолжительность жизни, хорошее состояние здоровья, отсутствие нищеты, демократия и верховенство закона — вот характеристики, которые мы взяли бы за основу при разработке дизайна идеальной страны. Подобные характеристики позволяют людям хорошо жить, занимаясь тем, что они считают важным для себя. Но если не спрашивать людей, то невозможно узнать *точно*, что именно для них важно, на что они готовы променять свое здоровье или доход и даже то, насколько эти вещи важны для них. Порой люди приспосабливаются к, казалось бы, невыносимым условиям. Они могут получать свою толику счастья и быть вполне довольными жизнью в местах, где властвуют смерть и нищета, можно сказать, преуспевать в долине, над которой нависла тень смерти. Случается, что живущие в тяжелейших условиях бедняки уверяют, что живут хорошо, а богачи, имеющие, казалось бы, все, крайне недовольны своей жизнью.

В подобных случаях можно оценивать уровень благосостояния людей по имеющимся у них возможностям вести достойную жизнь, а не по тому, как они сами распорядились своей судьбой. То, что бедный человек считает себя счастливым, не избавляет его от бедности, точно так же, как чувство неудовлетворенности или жадности какого-нибудь миллиардера не лишает его богатства. Рассмотрение того, что Амартия Сен называет «потенциальными возможностями» (*capabilities*), позволяет расценивать свободу от обездоленности, скорее, как возможности, открывшиеся в силу объективных обстоятельств, а не то, как люди воспользовались этими обстоятельствами или как они к ним относятся³. И все же чувство удовлетворенности жизнью хорошо само по себе: радоваться лучше, чем грустить. Подобные чувства являются частью хорошей жизни, вот почему так важно спрашивать людей об их

3. Amartya Sen, *Development as freedom*. New York: Knopf, 1999; Амартия Сен, *Развитие как свобода*. М.: Новое издательство, 2004.

ощущениях, даже если они не особенно влияют на оценку благосостояния. Такой подход отличается от подхода некоторых утилитаристов, таких как экономист Ричард Лэйард⁴, который утверждает, что важна только оценка счастья самим человеком, и обстоятельства хороши лишь тогда, когда они помогают возникновению ощущения счастья, а неблагоприятные обстоятельства вовсе не плохи, если человек чувствует себя счастливым независимо от них. Даже если это так, то, как мы видели на рис. 1 и 2 во Введении, получается, что там, где жизнь жестока, беспощадна и коротка, люди совсем не удовлетворены ею, а большинство жителей давно разбогатевших стран прекрасно понимают, насколько им повезло.

Ожидаемая продолжительность жизни и ДОХОДЫ

Чтобы понять общие закономерности, а также выявить исключения, часто представляющие значительный интерес, необходимо взглянуть на мир как на единое целое, сопоставив закономерности здоровья, богатства и счастья. В 1975 году удачный способ определения таких закономерностей был найден демографом Сэмюэлем Престоном⁵. Предложенные им диаграммы я использовал при подготовке рис. 1.1, на котором отражена ситуация по состоянию на 2010 год. На нем представлены данные об ожидаемой продолжительности жизни и доходах в различных странах мира.

На горизонтальной оси показан ВВП на душу населения, на вертикальной — общая для мужчин и женщин ожидаемая продолжительность жизни при рождении. Каждая страна представлена в виде круга, размер которого пропорционален численности населения этой страны. Большие круги в середине графика изображают Китай и Индию, круг несколько меньшего размера в правом верхнем углу изображает Соединенные Штаты. Кривая, проходящая из нижнего левого в верхний правый угол, показывает общее соотношение между ожидаемой продолжительностью жизни и национальным доходом. Эта кривая круто

4. Layard, *Happiness*; Лэйард, *Счастье*.

5. Samuel Preston, «The changing relation between mortality and level of economic development», *Population Studies*, 1975, 29(2): 231–48.

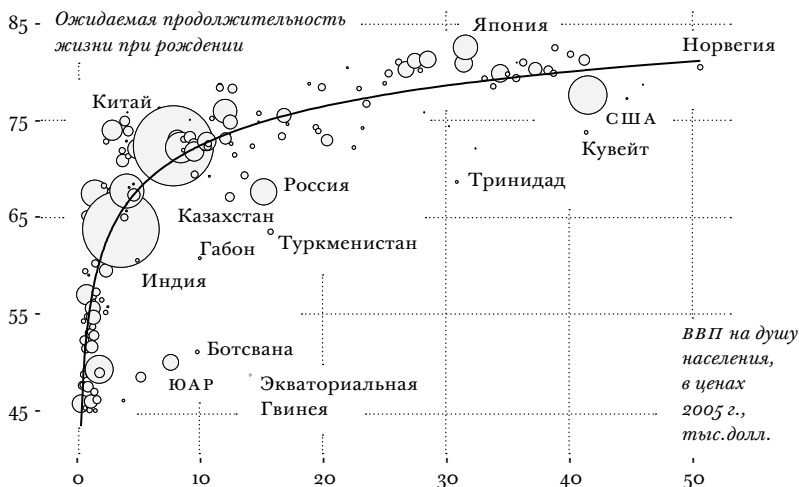

РИС. 1.1. Ожидаемая продолжительность жизни и ВВП на душу населения в 2010 году

поднимается, проходя через страны с низкими доходами, и теряет угол подъема, достигнув богатых стран с большой продолжительностью жизни.

ВВП на душу населения представляет собой показатель среднего дохода в каждой стране, приведенный к общей единице измерения. Эта единица измерения — международный доллар по состоянию на 2005 год — рассчитана, по крайней мере, в принципе, так чтобы стоимость международного доллара была одинаковой во всех странах, поэтому мы сравниваем сравнимые вещи: международный доллар в Бразилии или Танзании обладает той же покупательной способностью, что и в Соединенных Штатах. В ВВП включены доходы, которые не получают напрямую отдельные люди или семьи: государственные налоговые поступления, прибыли фирм и банков, а также доходы, принадлежащие иностранцам. В целом домашним хозяйствам для совершения покупок доступна лишь часть ВВП, правда, значительная. Другая часть ВВП расходуется в интересах домашних хозяйств как напрямую (например в виде государственных расходов на образование), так и косвенно (например в виде перспективных капиталовложений). ВВП — валовый *внутренний* продукт отличается от ВНП — валового *национального* продукта.

В ВВП, в отличие от ВВП, учитывается доход резидентов страны, полученный ими за границей, в то время как в ВВП, в отличие от ВВП, учитываются доходы, полученные внутри страны нерезидентами. Обычно эта разница невелика, но для некоторых стран она имеет большое значение. Люксембург, где многие получатели доходов являются резидентами Бельгии, Франции и Германии, можно считать примером страны, ВВП которой значительно меньше ВВП. Другой пример — небольшой китайский полуостров Макао, превратившийся в самое большое в мире казино. Эти две страны, место которых было бы за пределами правой части рисунка, не включены в него, равно как Катар и Объединенные Арабские Эмираты — страны, обладающие значительными запасами нефти и имевшие в 2010 году, наряду с Люксембургом и Макао, самые высокие в мире показатели ВВП на душу населения. ВВП позволяет более точно определить размер национального дохода, но показатели ВВП более доступны, поэтому я использую их здесь и далее на протяжении всей книги.

Важной особенностью диаграммы является «точка перегиба», расположенная в районе Китая, где восходящая кривая начинает выравниваться. Этой точкой обозначен *эпидемиологический переход*. В странах, расположенных слева от этой точки, важной причиной смертности, особенно детской, являются инфекционные заболевания. Так, в наиболее бедных странах почти половина всех смертных случаев приходится на детей в возрасте до пяти лет. После перехода, в более богатых странах, детская смертность становится уже чем-то необычным. В этих странах выше смертность пожилых людей, которые умирают не от инфекционных, а от *хронических* заболеваний, в первую очередь от болезней сердца (или, в более широком смысле, сердечно-сосудистых заболеваний, включая инсульт) и рака. Хронические заболевания все чаще становятся причиной смерти и в бедных странах, но от инфекционных болезней в богатых странах умирают очень немногие пожилые люди, за исключением редких случаев смерти в результате пневмонии. Иногда это называют переходом заболеваний из брюшной и грудной полости малышей в сосуды пожилых людей.

Прямая связь между ожидаемой продолжительностью жизни и доходами важна для понимания распределения благосостояния в мире. Здоровье и богатство являются

важнейшими составляющими благосостояния и, как показано на рисунке, обычно (хотя и не всегда) они идут рядом. Люди, терпящие лишения с точки зрения материального уровня жизни, к которым относится значительная часть населения стран Африки к югу Сахары, обычно страдают и от нездоровья. Продолжительность жизни у них короче, и многие из них становятся свидетелями того, как умирают их дети. На другой стороне кривой расположены богатые страны, где лишь немногим родителям довелось пережить своих детей, страны, где люди, привыкнув к высоким стандартам жизни, живут почти вдвое дольше, чем в беднейших странах. Рассматривая мир одновременно с точки зрения состояния здоровья и доходов, мы вынуждены заметить, что разделение имеет сложный характер, а благосостояние распределяется шире, чем может показаться, если рассматривать состояние здоровья и доходы по отдельности. Еще можно умножить показатель ожидаемой продолжительности жизни на показатель дохода и в результате получить неточный, но иногда полезный (хотя этически и непривлекательный) показатель дохода на протяжении всей жизни. Это очень неточная мера благосостояния (дополнительный год жизни оценивается размером дохода получателя и в результате получается, что год жизни богача стоит дороже года жизни бедняка), но она позволяет продемонстрировать существующий разрыв между странами. Например, в Конго размер дохода в расчете на душу населения оценивается в 0,75% аналогичного показателя в США, а ожидаемая продолжительность жизни составляет менее двух третей продолжительности жизни в США, таким образом, получается, что у жителя США средний доход на протяжении всей жизни более чем в 200 раз выше, чем у жителя Конго.

Эти данные *не означают*, что именно более высокий уровень доходов служит *причиной* лучшего состояния здоровья или что бедность приводит к тому, что часто называют «болезнями бедности». Рисунок не исключает этого, и в самом деле, уровень доходов когда-нибудь в каком-то смысле *должен* иметь значение. Эта идея будет рассматриваться на протяжении всей книги. Но эти данные *не говорят* о том, что именно высокий доход *является первопричиной* лучшего состояния здоровья, а бедность — причиной того, что часто называют «болезнями бедных». Но график и не исключает наличия такой связи. В самом деле

в определенных случаях уровень доходов *должен иметь* большое значение, и именно эту идею я буду рассматривать с различных сторон на протяжении всей книги. Размер дохода важен тогда, когда для поддержания здоровья необходимо улучшить рацион питания — для этого нужно, чтобы у людей были деньги. Размер дохода важен и для обеспечения чистой водой и улучшения санитарных условий, для чего правительству нужны деньги. В богатых странах роль денег при лечении сердечно-сосудистых или раковых заболеваний не столь очевидна, хотя, безусловно, научно-исследовательские работы стоят немало. Поэтому мы начнем с простого вопроса о точке на графике, в которой кривая начинает выравниваться, что совпадает с эпидемиологическим переходом соответствующих стран. Возможно также существование определенного верхнего предела ожидаемой продолжительности жизни — удивительно, что у этой идеи множество противников, — но при увеличении ожидаемой продолжительности жизни до уровня Японии или хотя бы США ее дальнейший рост становится все более затруднительным.

Иногда говорят, что в развитых странах *отсутствует* связь между доходом и ожидаемой продолжительностью жизни⁶. Как уже было показано на рисунках, приведенных во Введении, где сравнивались ожидаемая продолжительность жизни и ВВП, полезно видоизменить рис. 1.1, применив логарифмическую шкалу для дохода. Рис. 1.2, при построении которого используются те же данные, что и при построении рис. 1.1, производит совсем иное впечатление. В первом приближении угол наклона кривой в левой и правой частях диаграммы одинаков, хотя в верхней части графика угол наклона несколько выравнивается — это сказывается влияние плохих показателей США, а у самых богатых стран отсутствие такой связи остается очевидным. Но для большинства стран мира пропорциональное увеличение размера доходов связано с таким же увеличением продолжительности жизни, точно так же, как и с ростом удовлетворенности жизнью, как было показано во Введении. Конечно, при значительно более высоких доходах в богатых странах одно и то же пропорциональное увели-

6. Wilkinson and Pickett, *Spirit level*, p. 12: Richard Wilkinson, «The epidemiological transition: From material scarcity to social disadvantage», *Daedalus*, 1994, 123: 61–77.

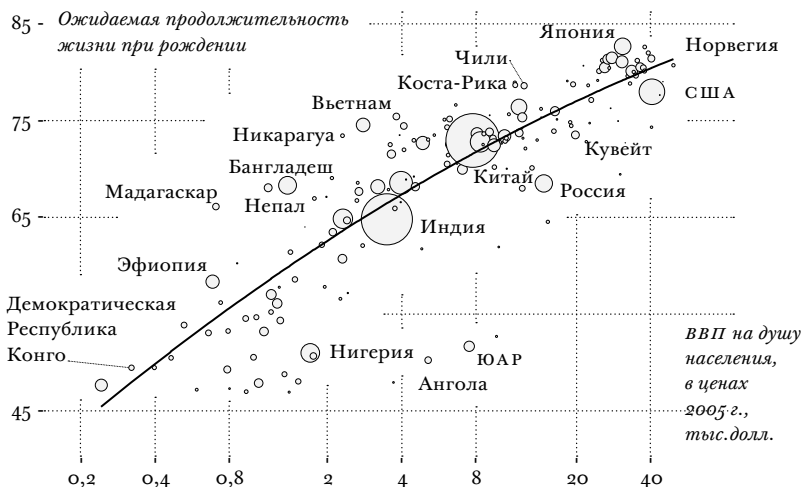

РИС. 1.2. Ожидаемая продолжительность жизни и ВВП на душу населения в 2010 году на логарифмической шкале

чение ведет к значительно большему, чем в бедных странах, абсолютному приросту. Таким образом, как показано на рис. 1.1, увеличение доходов на одинаковую сумму в денежном выражении в богатых странах влияет на увеличение продолжительности жизни в меньшей степени, чем в бедных странах. Но и в богатых странах рост доходов все еще влечет за собой увеличение продолжительности жизни. Но, как это следует из диаграммы 1.2, места, занимаемые странами по ожидаемой продолжительности жизни, далеко не соответствуют местам, занимаемым ими по размеру дохода.

То, что происходит в странах, не попавших на кривую диаграммы, не менее важно, чем то, что происходит в странах, расположившихся на ней. Некоторые страны, показавшие значительно более худшие результаты, чем можно было бы ожидать, учитывая их уровень доходов, участвовали в войнах. Другие, включая Ботсвану и Свазиленд (как и ряд других неназванных африканских стран), продолжают страдать от эпидемии ВИЧ/СПИД, в результате чего в некоторых из них увеличение ожидаемой продолжительности жизни, достигнутое после Второй мировой войны, было частично или полностью утрачено.

Эпидемия привела к тому, что эти страны опустились в самый низ кривой либо вовсе не попали на нее. Я уже писал об Экваториальной Гвинее, которая представляет собой наиболее наглядный пример. Этот же фактор — крайнее неравенство доходов — отчасти повлиял на положение Южной Африки, которая на протяжении многих лет задолго до эпидемии ВИЧ/СПИД оставалась за пределами кривой. Даже после падения апартеида Южную Африку можно рассматривать как небольшую богатую страну, заключенную внутри другой, гораздо более крупной и бедной страны. В самом деле, если мы проведем на рис. 1.1 линию, соединяющую США и Нигерию, а затем отложим на ней отрезок, соответствующий 10% расстояния от США до Нигерии на этой линии, что соответствует доле белого населения в общей численности населения Южной Африки, мы вплотную приблизимся к положению этой страны на диаграмме.

Россия — еще одна большая страна, в которой наблюдается неблагоприятная ситуация. После падения коммунистического режима ожидаемая продолжительность жизни в России упала, что могло стать реакцией на хаос и неурядицы переходного процесса, сопровождавшиеся злоупотреблением алкоголем, которое только ускорило снижение ожидаемой продолжительности жизни, особенно у мужчин. О том, что происходило в России, продолжают спорить, но следует отметить, что смертность среди мужчин начала расти еще до смены политической системы⁷. Как бы там ни было, в России и странах, входивших в состав бывшего Советского Союза, оценка состояния здоровья и ожидаемой продолжительности жизни населения оказалась хуже, чем можно было бы ожидать, учитывая доходы, которыми эти страны располагают. Процесс перехода от одной экономической системы к другой затрудняет определение дохода этих стран, поэтому цифры могут оказаться сильно преувеличенными. Преобразования в России, хотя и неизбежные в той или иной форме, могут в конце концов оказаться благотворными, но потерянные доходы и годы жизни делают их чрезмерно дорожи-

7. Elizabeth Brainerd and David M Cutler, «Autopsy on an empire: The mortality crisis in Russia and the former Soviet Union», *Journal of Economic Perspectives*, 2005, 19(1): 107–130; Jay Bhattacharya, Christina Gathmann, and Grant Miller, «The Gorbachev anti-alcohol campaign and Russia's mortality crisis», *American Economic Journal: Applied* 2013, 5(2): 232–260.

ми. Эти потери несравнимы с потерями в других мировых катастрофах, случившихся после Второй мировой войны, например, эпидемией ВИЧ/СПИД или великим голодом в Китае, но тем не менее они стали причиной огромных страданий людей и серьезного неблагополучия.

В Соединенных Штатах, если принять во внимание доходы этой страны, положение не очень хорошее. При этом в США на медицинское обслуживание тратится большая часть национального дохода, чем в какой-либо другой стране, что наглядно подтверждает тот факт, что между доходом и здоровьем не существует прямой связи, а между здоровьем и расходами на здравоохранение эта зависимость еще меньше. Ожидаемая продолжительность жизни в Чили и Коста-Рике не меньше, чем в США, хотя доход на душу населения в этих странах составляет около одной четверти, а расходы на здравоохранение — около 12% аналогичных расходов в США. Я вернусь к вопросам состояния здоровья и расходах на здравоохранение в США в главах 2 и 5.

Положение других стран лучше, чем можно было бы ожидать, учитывая размер их доходов. На рис. 1.2, где использована логарифмическая шкала, это видно лучше, чем на рис. 1.1. В Непале, Бангладеш, Вьетнаме, Китае, Коста-Рике, Чили и Японии ожидаемая продолжительности жизни выше, чем можно было бы ожидать. Беднейшие из этих стран выглядят вполне достойно, поддерживая на необычайно низком уровне показатели младенческой (в возрасте до одного года) и детской (в возрасте до пяти лет) смертности. Наиболее успешные из перечисленных стран, в частности Япония, имеют необычайно низкие показатели смертности жителей среднего и пожилого возраста. Далее я подробнее остановлюсь на подобных исключениях, но сейчас отмечу, что эта кривая не является чем-то заранее предопределенным; бедные страны могут иметь лучшие показатели, чем можно было бы ожидать, принимая во внимание имеющиеся у них ресурсы, а богатые страны могут показывать результаты хуже ожидаемых. Можно поддерживать хорошее состояние здоровья и при небольших доходах, а можно, наоборот, бесцельно тратить значительные средства. Война, эпидемии, крайнее неравенство также способствуют ухудшению здоровья, независимо от уровня доходов, хотя влияние именно первых двух факторов наиболее вероятно в бедных, а не в богатых странах.

Вперед и выше с перерывами на катастрофы

На рис. 1.1 и 1.2 представлена зарисовка того, каким был мир в 2010 году. Но кривая, показывающая связь между ожидаемой продолжительностью жизни и доходами, не оставалась неизменной. На рис. 1.3 представлены данные и две кривые, одна из которых повторяет кривую 2010 года, а вторая относится к 1960 году. Данные 1960 года обозначены светло-серыми кругами, отличающими их от данных 2010 года, обозначенных темно-серыми кругами. Размер кругов пропорционален численности населения соответствующих стран, но отдельно для каждого года, поэтому, ориентируясь на размер соответствующего круга, нельзя определить изменение численности населения той или иной страны, сравнивая размеры кругов, относящихся к 1960 и 2010 годам.

Почти все круги темно-серого цвета расположены сверху и справа по отношению к светло-серым кругам. Начиная с 1960 года, почти все страны стали богаче, а их жители живут дольше. Это, пожалуй, самый важный факт в истории благосостояния человечества в период после Второй мировой войны: ситуация улучшается, что выражается в улучшении состояния здоровья и росте доходов с течением времени. Экономист и историк Роберт Фогель, рассматривая более продолжительный период времени, пишет о том, что он называет побегом от голода и преждевременной смерти⁸. После Второй мировой войны Великий побег продолжился по всему миру. Побег не удался лишь нескольким странам, другим он удался только частично, но и это следует отметить и отпраздновать успех. Миллионы людей убежали из мира болезней и материальных лишений. Амартия Сен называет развитие свободой⁹, а на рис. 1.3 видно, что в 2010 году мир стал свободнее, чем был в 1960 году. И если бы мы дополнили этот график данными (далеко не полными) за 1930 или 1900 годы, то увидели бы, что про-

8. Robert W. Fogel, *The escape from hunger and premature death, 1700 to 2100: Europe, America, and the Third World*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; Robert W. Fogel, «New findings on secular trends in nutrition and mortality: Some implications for population theory», in Mark R. Rosenzweig and Oded Stark, eds., *Handbook of population and family economics*, Elsevier, 1997, 433–481.

9. Sen, *Development as freedom*; Сен, *Развитие как свобода*.

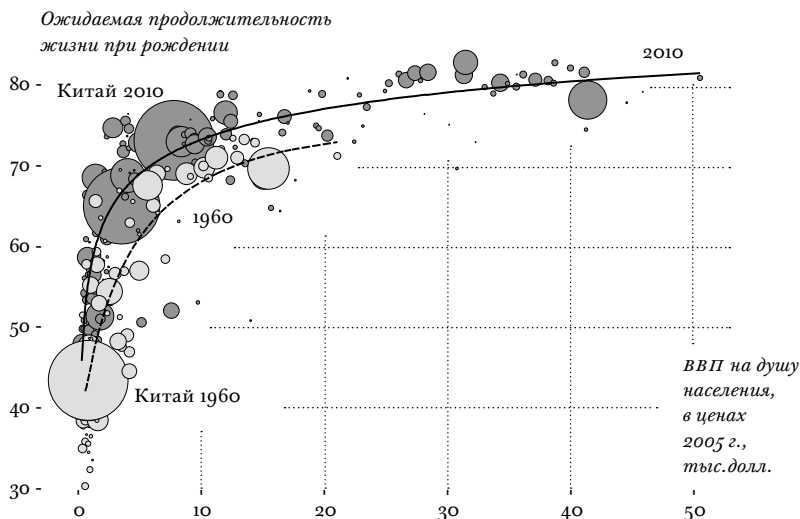

РИС. 1.3. Долгая жизнь — обеспеченная жизнь (ВВП на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни в 1960 и 2010 годах)

цесс освобождения продолжается уже долгое время, что он, начавшись около 250 лет назад, набирает темпы и за последние 50 лет охватывает все большее число стран.

Но на пути общего прогресса случались и катастрофы. Одной из тяжелейших катастроф в истории человечества стал китайский «Большой скачок» 1958–1961 годов, когда бездумная политика индустриализации и обеспечения продовольствием привела к голодной смерти около 35 миллионов человек и не дала появиться на свет еще 40 миллионам человек. Погодные условия в те годы оставались обычными; голод был создан искусственно.

Мао Цзэдун и другие китайские руководители были полны решимости доказать преимущества коммунизма, в кратчайшие сроки обогнать Россию и Великобританию по объемам производства, в результате чего Мао Цзэдун превратился бы в вождя коммунистического мира. Устанавливались бредовые производственные задания, выполнение которых должно было обеспечить потребности стремительно растущих промышленных городов в продовольствии и позволить зарабатывать иностранную валюту за счет экспорта продуктов питания. В условиях тоталитарной системы, поддерживаемой Коммунистической

партией Китая, сельские коммуны соревновались друг с другом в отчетах о якобы высоких урожаях, в то время как невыполнимые задания по сбору сельскохозяйственной продукции оставляли людей без пропитания. В то же время принятый компартией страны курс на коллективизацию всех частных землевладений, конфискацию частной собственности, вплоть до экспроприации кухонной утвари и принуждения людей к пользованию общими кухнями, привел к возникновению хаоса в деревнях. Для выполнения грандиозных производственных заданий крестьян направляли на работы на общественных объектах и на местных сталеплавильных предприятиях, что чаще всего не давало результатов. Чтобы скрыть распространение слухов, были введены драконовские ограничения на передвижение и использование средств связи; карательные меры против инакомыслящих были очевидны. В 1950–1951 годах было казнено 750 тысяч человек. (При этом в первые годы революции компартия Китая пользовалась широким доверием народа.)

Узнав о происходящем (может быть и не в полном объеме), Мао еще больше ужесточил политику, провел чистку тех, кто доложил ему об этих событиях, обвинив их в «правом уклонизме», а крестьян — в сокрытии продовольствия. Поступить иначе, не говоря уж о том, чтобы признать ошибочность курса «Большого скачка», значило бы поставить под угрозу власть самого Мао, и он был готов пожертвовать жизнью десятков миллионов своих соотечественников, лишь бы избежать этой опасности. Если бы Мао решил на смену курса, как только руководство стали известны масштабы массового голода, то голод продлился бы всего один год, а не три; да и, в любом случае, у правительства был достаточный запас зерна и оно могло не допустить голода¹⁰.

По некоторым данным, ожидаемая продолжительность жизни в Китае, составлявшая в 1958 году 50 лет, в 1960 году стала составлять менее 30 лет. Спустя пять лет после того, как Мао прекратил убивать людей, она выросла почти до 55 лет¹¹. Около трети детей, родившихся в период

10. Yang Jisheng, *Tombstone: The great Chinese famine, 1958–62*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2012.

11. Ainsley J. Coale, *Rapid population change in China, 1952–1982*. Washington, DC: National Academy Press, 1984; Cormac Ó Gráda, *Famine: A short history*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2009.

«Большого скачка», не дожили до его окончания. Порой нам трудно определить преимущества той или иной политики, даже убедить самих себя в том, что от политики что-то зависит. Но катастрофические последствия ошибочной политики, как показывает опыт «Большого скачка», бывают совершенно очевидными. Ошибочная политика в условиях тоталитарного режима привела к гибели десятков миллионов людей без войн и эпидемий. Конечно, ошибки в политике совершаются постоянно, но они не ведут к смерти миллионов людей. Проблема Китая состояла в том, что на смену политического курса понадобилось слишком много времени, а механизма, который заставил бы Мао отказаться от проводимой политики, не существовало. Современная политическая система Китая не сильно отличается от системы, созданной в период правления Мао; если что и изменилось, так это поток информации. Несмотря на продолжающийся контроль со стороны государства, трудно поверить в то, что подобный голод может случиться сегодня без того, чтобы о нем вскоре не узнали и китайские руководители, и весь мир. Правда, совсем неясно, смог ли бы мир сегодня оказать большую помощь, чем он мог это сделать тогда.

Еще одной крупной катастрофой стала эпидемия ВИЧ/СПИД. Как мы видели, этот недуг стал причиной роста смертности и значительного уменьшения ожидаемой продолжительности жизни во многих странах Африки к югу от Сахары. Наглядным подтверждением тому является положение ЮАР. На рис. 1.1 и 1.2 ЮАР занимает положение намного ниже кривой. Обратившись к 1960 году, когда вирус ВИЧ/СПИД еще не оказывал влияния на показатели смертности, мы увидим, что и тогда ЮАР занимала примерно то же положение, но не из-за вируса, а по причине колоссальной разницы между белым и черным населением страны. Если бы мы могли сделать из этих кривых фильм, то увидели бы, как они изменяются, десятилетие за десятилетием, и как с падением апартеида и уменьшением расовых различий в состоянии здоровья ЮАР поднимается вверх, все ближе к кривой. Во всяком случае так происходило вплоть до 1990 года. Затем с увеличением смертности от СПИДа страна откатилась назад на изначальную позицию, что мы и наблюдаем на рис. 1.1.

За последние несколько лет в результате применения антиретровирусных препаратов смертность в Африке начала снижаться. Сама по себе эпидемия служит еще одним

напоминанием о том, что побег может носить временный характер, а волны эпидемий — СПИДа сегодня, холеры в XIX веке, «черной смерти» в Средние века — не остались в прошлом навсегда. Как в научной, так и в популярной прессе много внимания уделяется возникающей угрозе «новых» инфекционных заболеваний, особенно таких, которые, подобно вирусу ВИЧ/СПИД, передаются от животных человеку. Существует множество зоонозных инфекционных заболеваний, некоторые из которых заканчиваются быстрой смертью больного. Но именно летальность делает почти невозможным перерастание их в широкомасштабные эпидемии. Летальный исход неблагоприятен как для жертв, так и для насекомых, вызвавших данное заболевание. ВИЧ/СПИД передается не так легко и убивает очень медленно, вот почему этот вирус представляет собой большую опасность, а вызванная им пандемия не оставляет нам надежды на то, что в будущем подобные заболевания можно будет безнаказанно оставлять без внимания.

Оставим катастрофы и обратимся к рис. 1.3, на котором мы видим не только то, что страны становятся богаче и здоровее, но и то, что кривая, соединяющая ожидаемую продолжительность жизни и доходы, сама со временем поднимается. Кривая 2010 года расположена выше кривой 1960 года, а если бы мы могли вернуться к более раннему периоду, то увидели бы, что кривая 1960 года расположена выше кривой 1930 года, которая в свою очередь находится выше кривой 1900 года, и так далее. Это направленное вверх движение было отмечено Престоном, который пришел к выводу, что здесь должен действовать еще один системный фактор, *отличный от доходов*. Если бы доход был самым важным фактором среди прочих — таких как эпидемии или политика государства в области охраны здоровья, не имеющая определенных закономерностей, — то страны двигались бы вверх или вниз (в основном вверх) по кривой. Но помимо того, что страны действительно двигались вверх по кривой, происходило еще что-то. При прежних доходах ожидаемая продолжительность жизни со временем увеличилась, и это наблюдалось во всех странах как с высокими, так и с низкими доходами. Престон связывал такое движение вверх по кривой с развитием науки и медицины, во всяком случае с более широким практическим применением приобретенных знаний. Движение *вдоль по кривой* он считал результатом повышения влияния

уровня жизни на состояние здоровья, а движение *самой кривой* — результатом внедрения новых практических знаний¹². Такое разделение зависимости роста благосостояния от доходов и знаний мы будем рассматривать на всем протяжении книги. Я буду говорить о том, что ключом к решению проблемы является знание, а доход, важный как сам по себе, так и в качестве составляющей благосостояния, а зачастую и как необходимое условие действия других факторов благосостояния, не является единственной причиной благосостояния.

Бедность и неравенство в глобальном масштабе

Материальные стандарты жизни растут в большинстве стран мира. Однако с логической точки зрения нет ничего, что гарантировало бы наличие автоматической связи роста с сокращением нищеты в глобальном масштабе. Можно предположить, что беднейшие страны мира не развиваются вовсе. Это в полной мере относится к Африке 1980-х — начала 1990-х годов. Также не исключено, что там, где этот рост наблюдался, его плодами в этих странах воспользовались лишь те, кто и без того жил достаточно хорошо. Те, кто считает, что плодами глобализации и экономического роста пользуются только богатые, зачастую приводят один из этих аргументов или сразу оба. Разумеется, как мы уже видели, существует почти недоступный воображению разрыв между средними показателями материального уровня жизни различных стран, но и внутри каждой страны разрыв между бедными и богатыми ничуть не меньше. Приводит ли общий экономический прогресс к дальнейшему росту этого неравенства? Экономический прогресс был благотворным для всех или Великий побег совершили лишь те, кто уже был богат, оставив позади менее удачливых?

Ответить на этот вопрос можно, посмотрев, росли ли изначально бедные страны быстрее изначально богатых: ведь что-то похожее должно происходить для того, чтобы разрыв между ними сокращался. Если экономический

12. Preston, «The changing relation between mortality and level of economic development».

рост становится возможным благодаря прогрессу в области науки и практических знаний, то можно ожидать сближения жизненных стандартов в различных странах, по крайней мере, при условии, что знания и технологии легко передаются из одной страны в другую.

Начнем с рис. 1.4, на котором в более или менее случайном порядке разбросаны точки. Каждая из них представляет одну страну, а на вертикальной оси показан средний темп роста ВВП на душу населения в этой стране в сравнении с начальными показателями ВВП на душу населения, отмеченными на горизонтальной оси. Круги темного цвета относятся к 1960 году, принятому в качестве исходной точки, более светлые круги обозначают начало роста в 1970 году и показывают рост за период с 1970 по 2010 год. Бессистемный разброс точек означает, что в бедных странах темп роста был не выше, чем в богатых, поэтому наверстывания не наблюдалось, как не наблюдалось и сокращения неравенства между странами. Темпы экономического роста богатых стран также не были выше, чем в бедных странах. В целом степень неравенства между странами изменилась не очень сильно. Показатели темпа прироста почти всех стран положительны и расположились над пунктирной линией, обозначающей нулевой рост.

За прошедшие полвека наблюдался значительный экономический рост во всем мире. Только в четырех странах этот показатель за 2010 год был хуже, чем в 1960 году, и лишь в 14 странах — меньше, чем в 1970 году. Как всегда, следует помнить, что здесь не учитываются некоторые страны с наихудшими показателями (например страны, в которых идет война), либо потому что мы не располагаем необходимыми данными, либо потому что этих стран просто не существовало. (Наихудшие показатели на диаграмме 1.4 принадлежат ДРК и Либерии: обе страны пережили войну.)

Те же самые данные можно рассматривать в более позитивном ключе. Рис. 1.5, впервые предложенный экономистом Стенли Фишером, идентичен рис. 1.4, но на нем каждая страна изображена в виде круга, площадь которого пропорциональна численности населения страны в год начала отсчета¹³. В этом случае мы сразу видим *сильную* обратную

13. Stanley Fischer, «Globalization and its challenges», *American Economic Review*, 2003, 93(2): 1–30.

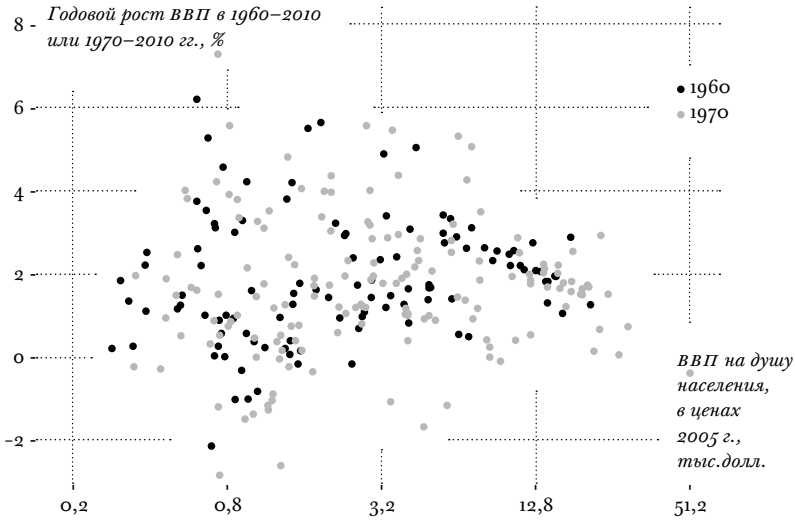

РИС. 1.4. ВВП на душу населения в 1960 и 1970 годах

зависимость, когда более бедные страны растут быстрее. Но нам уже известно, что более бедные страны *не росли* быстрее! Разница в восприятии возникает из-за увеличения размера точек, изображающих самые крупные страны, Китай и Индию, в которых ускоренный рост наблюдался последние пятьдесят лет. Такой прирост позволил странам, суммарное население которых составляет более двух миллиардов человек, перейти из числа стран с низкими доходами в число стран со средними доходами. Если бы на каждого жителя страны приходился доход, соответствующий среднему доходу в данной стране, то на рис. 1.5 мы могли бы наблюдать сближение уровней жизни всего населения мира, но при этом не происходило бы сближения средних показателей уровня жизни между странами. Разумеется, нельзя говорить о том, что на каждого жителя той или иной страны приходится одинаковый доход. Неравенство доходов внутри стран не только существует, но и, как мы увидим в главе 6, увеличивается во многих (но не во всех) странах. И если неравное распределение дохода внутри отдельно взятой страны учитывается, то с тем, что происходит с неравенством доходов всех граждан мира, ясности гораздо меньше, хотя можно привести хороший пример того, как это неравенство уменьшается.

Высокие темпы роста Китая и Индии не только сделали возможным Великий побег сотен миллионов человек, но и привели к тому, что мир стал более справедливым. Если думать больше о людях, чем о странах, то правильной следует признать оптимистическую картину на рис. 1.5, а не пессимистическую картину, изображенную на рис. 1.4.

Происходящее в Китае и Индии сильно влияет на положение бедных во всем мире. Всемирный банк регулярно определяет общую численность членов домашних хозяйств, в которых ежедневный доход на человека составляет менее одного доллара. Результаты последних расчетов, сделанных Всемирным банком в 2008 году, приведены на рис. 1.6¹⁴. В период с 1981 по 2008 год общая численность бедных, живущих менее чем на один доллар в день, сократилась на 750 миллионов человек, несмотря на то что общая численность населения бедных стран выросла примерно на два миллиарда человек.

В результате доля людей, живущих менее чем на один доллар в день, в общей численности мирового населения снизилась с 40 до 14%. Хотя уровень бедности снизился и в других регионах мира, снижение абсолютного количества бедных произошло в основном за счет быстрого роста Китая, при том что, во всяком случае до последнего десятилетия, абсолютное количество бедных за пределами Китая продолжало увеличиваться. (Как мы увидим в главе 6, Индия представляет собой особый случай, так как в статистике этой страны не учтена увеличивающаяся доля того, чем люди располагают на самом деле, в результате получается, что эти данные приуменьшают масштабы прогресса, достигнутого Индией в снижении нищеты.) Расчеты банка в отношении стран Африки к югу от Сахары показывают, что в 2008 году 37% населения этого региона жило менее чем на один доллар на человека в день (в 1993 году этот показатель составлял 49%). В последние годы в экономике африканских стран наблюдался рост, хотя он начинался с низкого уровня. Как всегда, данные, относящиеся к Африке, следует использовать с большой осторожностью.

14. Martin Ravallion and Shaohua Chen, «The developing world is poorer than we thought, but no less successful in the fight against poverty», *Quarterly Journal of Economics*, 2010, 125(4): 1577–625. Update to 2008: «An update of the World Bank's estimates of consumption poverty in the developing world», http://siteresources.worldbank.org/INTPOVCALNET/Resources/Global_Poverty_Update_2012_02-29-12.pdf

БЛАГОСОСТОЯНИЕ МИРА

РИС. 1.5. Рост с учетом численности населения страны

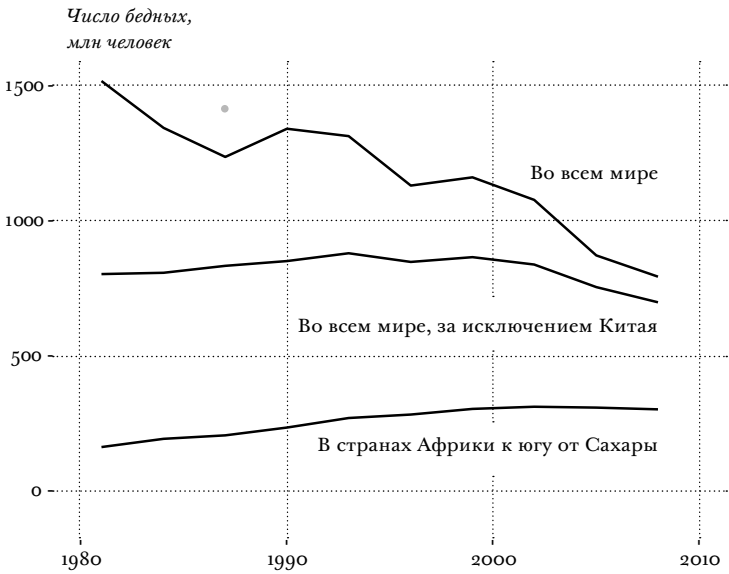

РИС. 1.6. Уменьшение числа бедных в мире

Таким образом, в снижении уровня глобальной нищеты также имел место общий прогресс. Он сказывается не всегда и не во всем, но за четверть века экономический рост в глобальном масштабе во многом способствовал уменьшению глобальной бедности.

Как люди воспринимают свою жизнь?

Для хорошей жизни недостаточно только здоровья и денег. Побег от лишений, ставший возможным в результате развития, должен сопровождаться развитием образования и более широким участием людей в жизни гражданского общества. Мое внимание сосредоточено главным образом на здоровье и доходах, но общая картина во многом остается прежней: за прошедшие десятилетия достигнут значительный прогресс, но многое еще предстоит сделать. Все больше детей регулярно посещают школу, растет число грамотных. И хотя в мире до сих пор существует немало диктаторов, а многие сотни миллионов людей живут в условиях (иногда очень суровых) ограничения их участия в жизни общества, политической свободы сегодня больше, чем полвека назад. В большинстве стран мира жизнь улучшилась, по крайней мере, если говорить о возможностях, открывающихся в данных обстоятельствах¹⁵. Но может оказаться так, что сами люди относятся к своей жизни иначе, не так, как эксперты по вопросам развития и ученые-комментаторы, оценивающие жизнь этих людей, для которых ценность могут представлять совсем другие вещи, не вошедшие в наш список. Многое можно сказать об ответах людей на вопрос о том, как *они* сами оценивают свою жизнь.

Для этого можно обратиться к критериям, по которым люди сами оценивают свое благосостояние, как это было показано на рис. 1 и 2 во Введении. Экономисты, психологи и философы в последнее время стали больше интересоваться подобными оценками, а в ряде стран органы статистики постепенно начинают учитывать их при сборе текущих данных¹⁶. Критерии, о которых идет речь, часто довольно

15. Charles Kenny, *Getting better*. New York: Basic Books, 2011.

16. Joseph E. Stiglitz, Amartya K. Sen, and Jean-Paul Fitoussi, *Report of the commission on the measurement of economic performance and social progress*, 2009, <http://www.stiglitz-sen-fi-toussi.fr/en/index.htm>

расплывчато именуется показателями счастья, представляют интерес по ряду причин: их используют люди, чье благосостояние мы пытаемся оценить, они позволяют оценить подлинный результат достигнутого, они потенциально могут учитывать последствия воздействия факторов, влияющих на благосостояние, о которых мы не знаем, а если и знаем, то не имеем критериев для их оценки.

При этом многие авторы — и экономисты, и философы — относятся к достоверности и пользе подобных самооценок благополучия достаточно осторожно. Мы не всегда понимаем, что имеют в виду люди, когда отвечают на задаваемые им вопросы; есть сомнения относительно интерпретации одних и тех же вопросов разными людьми или людьми, проживающими в различных странах. Вызывает затруднения и перевод вопросов, даже в случаях, когда существует прямой перевод. Американцы применяют слово «*happy*» чаще и в более широком смысле, чем французы слово «*heureux*», а жители Восточной Азии, похоже, не очень любят говорить о своем счастье¹⁷. В США стремление к счастью относится к числу неотъемлемых прав человека, перечисленных в Декларации независимости, а в кальвинистской шотландской деревушке, в которой рос я, подобное стремление воспринималась бы как серьезный недостаток характера.

Кроме того, большое значение имеет умение человека приспособливаться: живущие в безнадежных обстоятельствах люди могут считать, что они живут так, что лучше и быть не может, и утверждать, что они счастливы. Другие, купающиеся в роскоши, настолько привыкают к богатству, что приходят в уныние, если не находят каких-нибудь привычных предметов роскоши¹⁸. В полноценной счастливой жизни случаются и потери, и боль. Философ Марта Нуссбаум пишет о «счастливом воине», который отправляется на войну, зная, что ничего, кроме боли и, возможно, смерти его там не ждет, но при этом считает свою жизнь достойной¹⁹. Сказанное не означает, что не следует

17. Anna Wierzbicka, «„Happiness“ in cross-linguistic and crosscultural perspective», *Daedalus*, 1994, 133(2): 34–43, and Ed Diener and Eunkook M. Suh, *Culture and subjective wellbeing*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

18. Amartya K. Sen, *Commodities and capabilities*. Oxford: Elsevier, 1985; Amartya K. Sen, *On ethics and economics*. Oxford: Blackwell, 1987; Amartya K. Sen, *The idea of justice*; Амартья Сен, *Идея справедливости*.

19. Martha C. Nussbaum, «Who is the happy warrior? Philosophy poses questions to psychology», *Journal of Legal Studies*, 2008, 37(S 2): S 81–S 113.

обращать внимания на то, что люди говорят о своей собственной жизни, достаточно иметь в виду потенциальные проблемы и не терять необходимой доли скептицизма.

Если люди привыкают довольствоваться тем, что имеют, то в среднем ответы в разных странах должны быть примерно одинаковы. Большинство богатых стран богаты уже довольно давно, бедные страны также живут в бедности на протяжении долгого времени, поэтому у людей было достаточно времени, чтобы привыкнуть к обстоятельствам, в которых они живут. Но приведенные во Введении цифры показывают, что это не так.

Оценка качества жизни в Дании (неизменного лидера в подобных сравнениях) составляет 7,97 (по шкале от 0 до 10), далее расположились остальные страны Северной Европы: Финляндия — 7,67; Норвегия — 7,63 и Швеция — 7,51, за которыми с минимальным отставанием следуют США — 7,28. В Того (где на протяжении многих лет действует диктаторский режим) оценка составляет 2,81, в Сьерра-Леоне (после многих лет гражданской войны) — 3,00, в Зимбабве (еще один диктаторский режим на протяжении многих лет) — 3,17. Следующими в этом списке неблагополучных стран идут Бурунди (3,56), Бенин (3,67) и Афганистан (3,72). Эти показатели вызывают вполне обоснованные сомнения философского характера, но когда необходимо определить, насколько обездолены жители той или иной страны, и понять, в каких странах жители преуспевают, а в каких, наоборот, бедствуют, оценки уровня жизни в значительной степени соответствуют оценкам дохода, здоровья и политической свободы. Богатые развитые и демократические страны Европы и Америки, а также бывшие владения европейских стран оказываются более благоприятными для жизни, чем беднейшие страны Африки к югу от Сахары или страны Азии и Латинской Америки. Результаты, полученные в ходе непосредственных опросов населения, не отличаются от результатов оценок, сделанных на основе данных о доходах или продолжительности жизни.

Было бы полезно посмотреть на ответы, касающиеся оценки качества жизни за последние полвека, вернуться назад и сравнить изменения, происшедшие за период с 1960 года, как это сделал я, сравнивая взаимосвязь между доходами и состоянием здоровья. Но глобальные опросы *Gallup Organization* начали проводиться только с 2006 года, и, хотя уже имеются разрозненные данные по отдельным

странам за предыдущие годы, нам неизвестно, насколько эти цифры достоверны, мы даже не знаем, каким образом отбирались респонденты. Поэтому сегодня мы не можем сказать, повлияло ли глобальное развитие за прошедшие полвека на повышение оценки уровня жизни.

Тем не менее тот факт, что респонденты в богатых странах систематически оценивают качество своей жизни выше, чем респонденты в бедных странах, дает основание предполагать, что экономический рост влияет на то, как люди оценивают свою жизнь. Наиболее очевидное различие между Данией и Соединенными Штатами, с одной стороны, и Сьерра-Леоне, Того и Зимбабве — с другой, состоит в том, что в первую группу входят богатые страны, а во вторую — бедные. Это различие возникло в результате того, что богатые страны развивались в течение 250 лет, а бедные страны стояли на месте. Значительны и различия в ожидаемой продолжительности жизни, как мы уже видели, но за последние 50 лет ожидаемая продолжительность жизни также увеличилась вместе с экономическим ростом. Поэтому было бы действительно странно, если бы средняя оценка уровня жизни в Китае, Германии, Японии или США в 2008 году не оказалась выше аналогичного показателя в 1960 году. Но этот, казалось бы, неопровержимый вывод вызвал бурные дискуссии.

В 1974 году экономист и историк Ричард Истерлин, первый, кто начал опросы, касающиеся благосостояния, утверждал, что, судя по результатам опросов, экономический рост в Японии не стал причиной улучшения жизни людей. В своих последующих исследованиях он проверил свои выводы на примере ряда стран, включая США²⁰. Истерлин утверждал и продолжает утверждать, что экономический рост не способствует улучшению человеческого рода, и делает необычное для экономиста заявление о том, что экономический рост сам по себе ничего не значит. (О состоянии здоровья и других благах, сопровождающих экономический рост, но необязательно являющихся его следствием, речь не идет.) Такая позиция переключает

20. Richard A. Easterlin, «Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence», in R. David and M. Reder, eds., *Nations and households in economic growth: Essays in honor of Moses Abramowitz*. New York: Academic Press, 1974, 89–125; Richard A. Easterlin, «Will raising the incomes of all increase the happiness of all?», *Journal of Economic Behavior and Organization*, 1995, 27(1): 35–47.

ся с мнением многих психологов, религиозных лидеров и других, отрицающих материальную основу благосостояния, возможно, за исключением, быть может, самых обездоленных. Экономисты Бетси Стивенсон и Джастин Уолферс выступают против этой точки зрения, отмечая, что сравнение сопоставимых данных показывает, что экономический рост внутри страны влечет за собой повышение оценки уровня жизни в той степени, какую можно ожидать, глядя на различия в оценке качества жизни богатых и бедных стран²¹.

Заметить влияние экономического роста на оценку уровня жизни в той или иной стране гораздо труднее, чем заметить влияние на эту оценку различий между богатыми и бедными странами. Даже пятьдесят лет экономического роста не позволяют какой-либо стране продвинуться достаточно далеко, чтобы преодолеть разрыв, отделяющий ее от других стран и возникший в результате *многовекового* отставания в темпах экономического роста. Если бы отдельно взятая страна могла непрерывно поддерживать экономический рост на уровне в 2% в год на протяжении пятидесяти лет (близко к среднему уровню на рис. 1.4), то к концу этого периода ее ВВП на душу населения вырос бы в 2,7 раза. Это существенное увеличение, но оно равно примерно той разнице, что существует сегодня между Индией и Таиландом. Учитывая, что страны не выстраиваются строго по линейке, связывающей оценку уровня жизни и доходы, неудивительно, что в такие периоды экономического роста возрастает число оценок уровня жизни, которые можно охарактеризовать как незначительные, трудно определяемые, а то и просто искаженные. И правда, на рис. 1 во Введении мы видим, что в Китае, чей ВВП на душу населения в 2008 году был вдвое выше, чем в Индии, оценка уровня жизни была существенно ниже.

Существуют страны, в которых показатели состояния здоровья превосходят ожидаемые или, наоборот, оказываются не столь хорошими, как можно было бы ожидать

21. Betsey Stevenson and Justin Wolfers, «Economic growth and subjective wellbeing: Reassessing the Easterlin paradox», *Brookings Papers on Economic Activity*, 2008 (Spring), 1–86; Daniel W. Sacks, Betsey Stevenson, and Justin Wolfers, «Subjective wellbeing, income, economic development and growth», in Philip Booth, ed. . . *And the pursuit of happiness*. London: Institute for Economic Affairs, 2012, 59–97.

исходя из уровня доходов в этих странах. В других странах их жители оценивают качество своей жизни выше или ниже, чем следовало ожидать исходя из уровня доходов в этих странах. Мы видели, что скандинавские страны выступают в роли суперзвезд благосостояния. Они принадлежат к числу богатых стран, но показатели оценки жизни в скандинавских странах ненамного выше тех, что можно было бы предсказать, учитывая показатели национального дохода. Часто встречаются факты того, что в странах Латинской Америки ситуация очень благоприятная. Напротив, в некоторых странах Восточной Азии, включая Китай, Гонконг, Японию и Корею, складывается относительно неблагоприятная ситуация. Мы не знаем, в какой степени эти различия между континентами связаны с естественными особенностями объективных аспектов благосостояния, особенностями национального характера или национальными различиями и как они влияют на ответы людей на вопрос о качестве их жизни. Часто крайне низкую оценку своей жизни дают жители России и стран, входивших ранее в коммунистический блок. Особенно ущемленными чувствуют себя люди старшего поколения, прожившие жизнь в странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза²². Перед молодежью этих стран открываются возможности, которых не было у предыдущих поколений, включая возможность путешествовать, учиться за границей, находить применение своим талантам в глобальной экономике. А на долю их бабушек и дедушек выпало крушение знакомого мира, который был смыслом их жизни, а в некоторых случаях они лишились пенсий и медицинского обслуживания.

Эмоциональное благополучие

Критерии оценки качества жизни часто называют критериями счастья, даже если в анкетах, в которых респондентам предлагается оценить качество их жизни, слово «счастье» может отсутствовать. Сегодня мы располагаем убедительными доказательствами того, что опросы, касающиеся оценки качества жизни самими респондентами,

22. Angus Deaton, «Income, health, and wellbeing around the world: Evidence from the Gallup World Poll», *Journal of Economic Perspectives*, 2008, 22(2): 53–72.

затрагивающие различные аспекты их жизненного опыта, связаны с пережитыми ими чувствами и эмоциями, и поэтому ответы на заданные вопросы сильно различаются. Даже тогда, когда человек считает, что в целом в его жизни все нормально, он может чувствовать себя несчастным, испытывать беспокойство и стресс. Человек, стремящийся устроить свою жизнь, неизбежно сталкивается с разочарованиями, огорчениями и болью. Учебный лагерь для новобранцев, выпускной экзамен по экономике, медицинская школа, смерть одного из родителей — вот примеры не самого приятного опыта, составляющего неотъемлемую часть нашей жизни. Молодые люди идут на свидания, которые порой оборачиваются кошмаром, но это необходимая составляющая эмоционального познания. Эти и подобные эмоциональные уроки естественным образом сопутствуют достижению благополучия. Конечно, лучше чувствовать себя счастливым, чем расстраиваться; порой стресс, тревога и злость могут на время нарушать состояние благополучия, хотя иногда эти переживания окупаются в будущем.

Мы можем просить людей оценить свою жизнь или задавать им вопросы, касающиеся событий, которые оказали на них эмоциональное воздействие. В ходе глобального опроса, проводимого *Gallup Organization*, в дополнение к вопросам, касающимся оценки качества жизни, респондентам задавались вопросы о чувствах и эмоциях, которые они переживали накануне проведения опроса, например, чувствах беспокойства, огорчения, грусти, подавленности, радости, гнева, боли. Оказалось, что в среднем по стране ответы на эти вопросы заметно отличались от ответов, касавшихся оценки качества жизни.

На рис. 1.7 представлена глобальная карта счастья, показывающая соотношение данных о национальном доходе и ответов той незначительной части респондентов, которые сообщили о том, что на протяжении большей части дня, предшествовавшего опросу, чувствовали себя вполне счастливыми. Эта карта во многом отличается от карты оценки качества жизни. Главное здесь то, что ощущение счастья намного меньше зависит от размера национального дохода. Хотя в некоторых из беднейших стран, таких как Буркина Фасо, Бурунди, Мадагаскар и Того, счастливых людей немного, системная разница в количестве счастливых людей в бедных и богатых странах, если не считать беднейшие страны, оказывается незначитель-

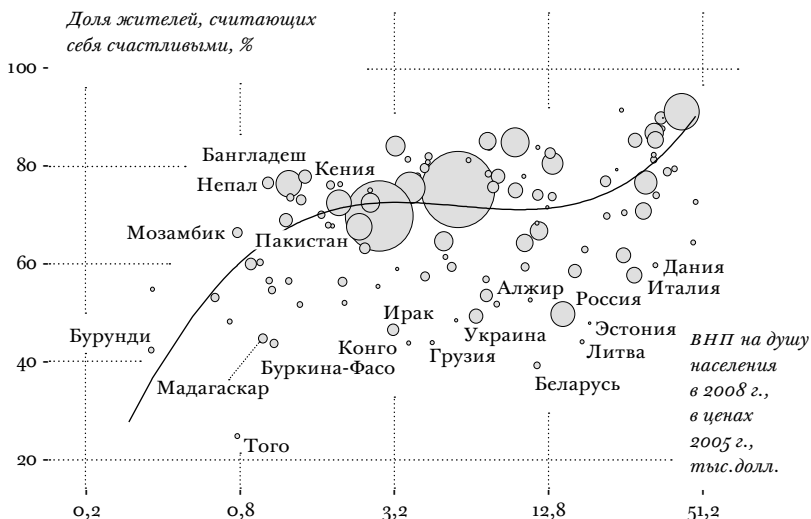

РИС. 1.7. Счастье в различных странах мира

ной. Дания, жители которой считают, что живут очень хорошо, оказывается не самым лучшим местом для того, чтобы почувствовать себя счастливым, равно как и Италия. В то же время большинство жителей Бангладеш, Кении, Непала, Пакистана испытывают чувство счастья намного чаще датчан или итальянцев.

Незначительная связь между ощущением счастья и размером доходов наблюдается и в США. Бедность вызывает у человека чувство несчастья, но лишь до определенного уровня (около 70 тысяч долларов США в год), выше которого деньги уже не оказывают никакого влияния на ощущение счастья, хотя люди с более высоким доходом говорят о том, что их жизнь стала лучше²³. Для счастья деньги имеют значение лишь до определенного уровня. Это полезно знать хотя бы потому, что ощущение счастья украшает жизнь. Но это делает счастье ненадежным критерием при оценке общего благополучия, потому что в мире много мест, в которых люди умудряются чувствовать себя счастливыми даже при плохом здоровье и материальном недостатке. Для оценки общего благополучия гораздо

23. Daniel Kahneman and Angus Deaton, «High income improves evaluation of life but not emotional wellbeing», *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2010, 107(38): 16489–16493.

лучше подходят критерии оценки качества жизни. Хорошим примером этого являются Дания и Италия.

На карте счастья видно, что Соединенные Штаты, где быть счастливым стало чем-то вроде гражданского долга, занимают третье место сверху, уступая лишь Ирландии и Новой Зеландии. Россия и ее бывшие сателлиты относятся к числу наиболее несчастных стран мира. Но большинство жителей планеты счастливы: почти три четверти опрошенных заявили, что чувствовали себя вполне счастливыми на протяжении большей части предыдущего дня.

Что касается других критериев эмоциональных переживаний, то они в очередной раз открывают перед нами совершенно отличную от прежней картину. В 2008 году 19% населения планеты испытывало чувство злости на протяжении значительной части предыдущего дня, 30% подвергалось стрессу, еще 30% испытывали тревогу, а 23% — болевые ощущения. Жители бедных стран испытывают боль чаще, хотя на каждом уровне доходов наблюдаются отклонения от этого правила. Но средние по стране показатели тревоги, стресса и злости никак не связаны с уровнем национального дохода, хотя и здесь между странами существуют значительные различия. Например, три четверти филиппинцев сообщают о пережитом сильном стрессе. За филиппинцами следуют жители Гонконга, Ливана, Сирии и США, где 44% респондентов сообщали о стрессе, сопровождавшем их на протяжении большей части предыдущего дня. Похоже, размер национального дохода не сильно сказывается на уровне отрицательной эмоциональной нагрузки.

Оценка качества жизни и счастья (или других эмоций) рисует нам ряд различных картин мира. Которая из них верна? Этот вопрос можно считать уместным, только если мы ожидаем, что подобный критерий позволит нам определить единую меру общего благосостояния, то есть того, что является целью значительной части литературы, посвященной счастью. Но думать в этом ключе о благосостоянии неправильно. Хорошо чувствовать себя счастливым и плохо ощущать тревогу, злость, и, опять-таки, хорошо думать, что в твоей жизни все в порядке. Но все эти чувства не одинаковы, все связано с тем, хорошо или плохо они отразятся на других аспектах нашего благосостояния, таких как доход, физическое и ментальное здоровье. Не существует какого-то волшебного вопроса, ответ на который сделает нас обладателями некоего эталона

для определения благосостояния. Даже если бы у людей был «гедониметр» в виде наручного индикатора счастья, испытываемого человеком в каждый отдельно взятый момент, нет никаких оснований полагать, что показания такого прибора были бы полезны для оценки того, насколько хороша жизнь такого человека. Благосостояние многообразно, его аспекты часто связаны друг с другом, но неодинаковы, и если перед нами стоит задача определения меры благосостояния в мировом масштабе, то мы должны учитывать это богатство многообразия.

Историк Кит Томас описывает, как изменялись пути поиска жителями Англии личного удовлетворения и как к XVIII веку стремление к обретению материального благосостояния превратилось в законный и нравственный путь к достижению счастья²⁴. В работе Адама Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов» сформулирована долго вынашиваемая мысль о том, что стремление к богатству представляет собой не только заслуживающую уважения деятельность отдельных людей, но и несет благо обществу в целом. Метафора Смита о «невидимой руке» стала неотъемлемой составляющей нашего понимания сути капитализма. Но, как замечает Томас, Смит скептически относился к благам, доступным богатому человеку. В своей «Теории нравственных чувств» Смит изложил мысль о том, что богатство несет столько же счастья, сколько и иллюзия, правда иллюзия полезная, которая «возбуждает творческую деятельность человека и постоянно поддерживает ее». Он также скептически относился к степени неравенства, утверждая, что богатые, которые нанимают на работу других для того, чтобы «удовлетворить только свои пустые и ненасытные желания», принимают почти одинаковое участие в распределении «предметов, необходимых для жизни». Что касается богача, то обширные владения могут защитить «от легкой летней грозы, но не от зимней стужи; к тому же в них он также, а порой и чаще, чем где-либо в ином месте, подвергается тревогам, страданиям, опасностям, болезням и смерти»²⁵.

24. Keith Thomas, *The ends of life: Roads to fulfillment in early modern England*. Oxford: Oxford University Press, 2009.

25. Adam Smith, *The theory of moral sentiments*, third edition, printed for A. Millar, A. Kincaid, and J. Bell in Edinburgh and sold by T. Cadell in the Strand. 1767, 272, 273, 273, and 271.

Смит писал в эпоху, предшествовавшую Великому расхождению, когда инфекционные заболевания представляли собой одинаковую опасность как для бедных, так и для богатых. Как мы увидим в следующей главе, ожидаемая продолжительность жизни английских аристократов была не больше, чем обычных людей. Да и сегодня, как мы видели, эмоциональная жизнь бедных людей не очень сильно отличается от жизни людей богатых, хотя бедные гораздо в меньшей степени удовлетворены своей жизнью. Богатство не защищает человека от чувства тревоги, страха, сожаления. Для того чтобы испытать чувство счастья и радости жизни, богатства не требуется. Но мир изменился за прошедшие 250 лет. У нас нет разумного объяснения тезиса о том, что «предметы, необходимые для жизни», распределены по миру равномерно. И не похоже, чтобы они были распределены таким образом в Британии времен Адама Смита. А богатство сегодня ставит мощную преграду на пути недуга и смерти. Мир в целом стал богаче и многое узнал, особенно за последние 60 лет, теперь эта преграда защищает все большую часть населения Земли.

За время, прошедшее после окончания Второй мировой войны, практически во всех странах мира выросли доходы, а здоровье населения улучшилось. Ни в одной стране мира младенческая и детская смертность не выросла по сравнению с 1950 годом²⁶. Экономический рост позволил миллионам людей вырваться из тисков нищеты, особенно в Китае и Индии. Но мы были свидетелями и кошмарных поворотов в обратном направлении. Голод в Китае, пандемия ВИЧ/СПИД, резкое сокращение продолжительности жизни в странах, ранее входивших в состав СССР, десятки войн, массовые убийства и голод напоминают нам о том, что проклятия в виде болезней, войн и недальновидной политики не стали достоянием прошлого. Предполагать иное было бы неосмотрительным: как и в фильме, великий побег может принести не постоянную свободу, а лишь временное избавление от зла, мрака и беспорядка, окружающих нас.

26. David E. Bloom, «7 billion and counting», *Science* 333, 2011 (July 29), 562–568.

Научное издание

АНГУС ДИТОН
ВЕЛИКИЙ ПОБЕГ
Здоровье, богатство
и истоки неравенства

Главный редактор издательства ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Научный редактор издательства АРТЕМ СМИРНОВ
Выпускающий редактор ЕЛЕНА ПОПОВА
Обложка ВЛАДИМИРА ВЕРТИНСКОГО
Верстка СЕРГЕЯ ЗИНОВЬЕВА
Корректор ГАЛИНА ЛАКЕЕВА

Издательство Института Гайдара
125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1

Подписано в печать 13.10.2015.
Тираж 2000 экз. Формат 70×100/16.
Отпечатано в филиале «Чеховский печатный двор»
ОАО «Первая образцовая типография»
www.chpd.ru. Факс (496) 726-54-10, (495) 988-63-87
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, 1

Ангус Дитон — профессор экономики Принстонского университета; лауреат Нобелевской премии по экономике 2015 года, присужденной «за анализ потребления, бедности и благосостояния»; в прошлом — президент Американской экономической ассоциации; автор многочисленных работ, посвященных обследованию домохозяйств, измерениям бедности в богатых и бедных странах и экономическому развитию.

Если вы хотите узнать, почему жизнь людей стала гораздо более благополучной, чем раньше, то вам обязательно нужно прочесть «Великий побег».

— **Билл Гейтс**

Становится ли мир справедливее и богаче?

Мало кто из экономистов способен лучше ответить на этот вопрос, чем Ангус Дитон, долгое время занимающийся измерением международного благосостояния и хорошо знакомый с историей. Дитон не ограничивается рассуждениями только об экономике и обращает внимание на такой важный аспект прогресса, как состояние здоровья. Эта тема требует большого полотна и уверенных мазков, и у Дитона есть и то и другое.

— **Economist**

Превосходная книга!

— **Мартин Вулф, Financial Times**

ISBN: 978-5-93255-437-1

9 785932 554371